

Юрий Серебрянский

Полное затмение

«Алтынишай»: свидетельства и документы

В ноябрьском номере «ДН» была напечатана повесть Юрия Серебрянского «Алтынишай». Повесть родилась из встреч и разговоров писателя с депортированными в 1936 году с Украины в Казахстан поляками и их потомками. В этом номере мы предлагаем вашему вниманию пять из тех трагических историй польских семей, которые составили вторую часть будущей книги, и секретное Постановление Совета Народных Комиссаров СССР о депортации.

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 776-120сс
Совета Народных Комиссаров Союза ССР

28 апреля 1936 г.

Москва, Кремль

О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Возложить на НКВнудел СССР переселение и организацию поселений в Карагандинской области Казахской АССР для польских и немецких семейств, переселяемых из УССР в количестве 15 000 хозяйств — 45 000 человек, по типу существующих сельскохозяйственных трудпоселков НКВД.

Переселяемый контингент не ограничивается в гражданских правах и имеет право передвижения в пределах административного района расселения, но не имеет права выезда из места поселений.

2. Жилищно-хозяйственное и коммунально-бытовое строительство, а также сельскохозяйственное устройство контингента возложить на ГУЛАГ НКВД с привлечением сил и средств самих переселенцев.

3. Обязать Карагандинский областной исполнительный комитет в местах расселения переселенцев организовать поселковые советы.

4. Обязать НКЗем СССР немедленно закрепить за переселяемыми хозяйствами необходимые земфонды за счет земель Летовочного, Красноармейского и Тарангульского мясосовхозов системы НКСовхозов в Карагандинской области

Юрий Серебрянский — прозаик, поэт. Родился в 1975 году в Алма-Ате. Окончил Казахский государственный национальный университет, получил диплом химика-эколога. Постоянный автор «ДН». Дважды — за повести «Destination» («ДН», 2010, № 8) и «Пражаки» («ДН», 2014, № 9) — лауреат «Русской премии» в жанре «Малая проза». Живет в Казахстане.

и произвести внутрихозяйственное землеустройство, немедленно командировав для этой цели в Казахстан потребное количество землеустроителей.

5. Разрешить НКСовхозов перевести скот Летовочного молмясосовхоза в Красноармейский, Тарангульский молмясосовхозы, обязав ГУЛАГ НКВД возместить НКСовхозов стоимость животноводческих построек и жилищ, остающихся в Летовочном молмясосовхозе.

6. Разрешить НКСовхозов в пределах этой суммы произвести в 1936 году строительство производственных и жилищных построек в Красноармейском и Тарангульском молмясосовхозах, сверх отпущенных капиталовложений на 1936 год.

7. Обязать НКЗем СССР не позднее III квартала 1936 года организовать на территории новых поселений три МТС.

Отпустить на организацию этих МТС 4500 тыс. рублей, в том числе 2170 тыс. рублей за счет плана капиталовложений НКЗема СССР на 1936 г. и 2330 тыс. руб. за счет резервного фонда СНК СССР.

8. Обязать НКТяжпром отгрузить не позднее 1 июля 1936 года для указанных МТС 30 тракторов ЧТЗ, 60 СТЗ, 12 автогрузовых машин ЗИС, 2 автоцистерны, 3 автомашины Пикап, 3 легковых автомашины, 6 локобилей мощностью 75 и 57 сил со всеми прицепными орудиями и необходимым оборудованием для машинотракторных мастерских.

9. Возложить на Наркомздрав и НКПрос РСФСР по принадлежности организацию в поселках, содержание и обслуживание медико-санитарной сети и культурно-воспитательных учреждений, для чего обязать Наркомздрав и Наркомпрос РСФСР не позднее мая-июня месяцев 1936 года по согласованию с НКВД укомплектовать эти учреждения медицинским и педагогическо-воспитательным персоналом и необходимым оборудованием, пособиями, медикаментами.

10. Обязать СНК УССР весь скот, находящийся в индивидуальном пользовании выселяемых, отправлять вместе с выселяемыми хозяйствами в Казахстан.

Колхозы обязаны выделить выселяемым членам колхозов лошадей, приходящихся на их долю.

Посевы выселяемых единоличников передать местным колхозам по оценке РайЗО с немедленной уплатой стоимости этих посевов их владельцам.

С выселяемыми членами колхозов колхозы обязаны произвести полный расчет натурой и деньгами за все выработанные ими трудовые дни.

11. Обязать Госплан СССР, Наркомлес, Наркомтяжпром и НКМестпром РСФСР выделить и отгрузить НКВнуделу в течение 2 и 3 кварталов 1936 года

равными частями следующие стройматериалы и оборудование:

Леса круглого	55 000 кбм
Леса пиленого	62 000 кбм
Жердей	9000 кбм
Гвоздей	250 тонн
Стекла	117 000 кв. м
Железа кровельного.....	19 тонн
Железа сортового	190 тонн
Проволоки	13 тонн
Клея столярного	14,0 тонн
Олифы	103 тонны
Краски разной	47 тонн
Белил	22 тонны
Толя	128 000 кв. м
Цементы	300 тонн
Фанеры	5490 кв. м
Труб железных	7 тонн
Шпалорезок	10 штук
Пил к шпалорезкам	30 штук
Инструмента	на 100 000 руб.
Печных приборов	560 тонн
Пакли	87 тонн
Войлока	34 тонны

12. Предложить ГУЛАГ НКВД при выполнении строительной программы в поселках особое внимание обратить на развертывание и поощрение строительства жилищ и надворных построек самими переселенцами, выделив для этой цели из отпускаемых фондов стройматериалы и средства, которые выдавать индивидуальным застройщикам как за наличный расчет, так и в порядке долгосрочной ссуды сроком до 8 лет.

13. Обязать Комитет заготовок сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР выделить ГУЛАГ НКВД в 1936 году по государственной заготовительной цене:

- а) зерновых семян для выдачи в ссуду переселенцам 3600 тонн
- б) хлебофуражного зерна в ссуду 5000 тонн

Кроме того, отпустить Центросоюзу для свободной продажи поселенцам 4200 тонн муки и крупы.

Семенная и продфуражная ссуды должны быть выданы переселенцам на срок 3 года с возвратом равными частями, начиная с 1937 года; отпуск семян и продфуража произвести из зерна, подлежащего сдаче государству трудпоселками НКВД и МТС в Карагандинской области Казахской АССР.

14. Обязать Центросоюз организовать в новых поселках не позднее мая месяца 1936 года торговую сеть, обеспечив ее необходимыми товарами для продажи поселенцам (продовольствие, промтовары, обувь, хозобиход и проч.).

15. Обязать НКВнуторг СССР выделить Центросоюзу во 2, 3 и 4 кварталах 1936 г. для продажи поселенцам:

- Масла растительного 150 тонн
- Рыбы 1000 тонн
- Мяса 200 тонн
- Сахара 630 тонн
- Промтоваров на 5 000 000 руб.

в т.ч.:

- Эмалиров[анной] посуды 150 000 руб.
- Оцинков[ованной] посуды 50 000 руб.

16. Обязать НКВнуторг СССР немедленно отпустить ГУЛАГ НКВД для временного расселения переселяемых 250 больших палаток.

17. Дома и хозяйственные постройки, построенные ГУЛАГом НКВД, передать сельхозартелям переселенцев в порядке долгосрочной ссуды на срок 8 лет. Оформление всех ссуд, выдаваемых сельхозартелям и отдельным переселенцам, возложить непосредственно на Сельхозбанк.

18. Сельхозартели, организуемые из переселенцев, в порядке настоящего постановления, и индивидуальные хозяйства переселенцев освободить от всех налогов, сборов и поставок государству зерна, картофеля и продуктов животноводства сроком на 3 года, считая с 1937 года.

19. Предложить НКПС по заявкам НКВД произвести перевозку переселяемых семей и их имущества по льготному воинскому тарифу, обеспечив подачу подвижного состава по плану НКВД. Расчет за эти перевозки произвести с НКПС в централизованном порядке за счет отпускаемых на эти цели средств.

20. Определить затраты на проведение предусмотренных настоящим постановлением работ по переселению и хозяйственному устройству переселенцев в сумме 23 000 тыс. рублей, в том числе за счет:

- а) резервного фонда СНК СССР в сумме 19 000 тыс. руб.;
- б) сметы Всесоюзного Переселенческого Комитета при СНК СССР в сумме 1830,0 тыс. рублей;
- в) плана капиталовложений НКЗема ССР на 1936 г. в сумме 2170 тыс. рублей.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

В. МОЛОТОВ

*Зам. управляющего делами
Совета Народных Комиссаров Союза ССР*

В. МЕЖЛАУК

Вн. УД СНК'С

д. № 200-44

2/ов. 28.IV.36

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 486. Л. 116-120. Подлинник.

Людмила Червинская

Я долго думала, прежде чем сесть и написать о своей судьбе, не хотелось будоражить память, вспоминать все то, что мне пришлось пережить, а пришлось многое. По национальности я полька, мои биологические родители — мама Камила и папа Иван Савицкие — были высланы в 1936 году с Украины, с Житомирской области в Северный Казахстан, в совхоз имени Кирова (как называли тогда, на 3-е отделение), что в Чкаловском районе бывшей Кокчетавской области. Их тут ждала суровая зима, бескрайняя степь, полное бездорожье и жизнь практически под открытым небом. Было жутко и страшно. Но они приспособились к этим невероятным условиям и надеялись, что вскоре смогут вернуться на родину. Но их мечтам не суждено было сбыться. Наступил 1941 год, грянула война. Папа ушел на фронт и погиб неизвестно где, я его так и не увидела и не знаю даже в лицо, так как родилась осенью 1941 года без него. Мама работала в совхозе — возила на быках в большой бочке воду по бригадам, где трудились люди. А так как зимы были суровые, простудилась и заболела малярией. Лекарств не было, больниц тоже, лечить было нечем. Если бы был хинин (хина), возможно, ее бы и можно было спасти, а так она умерла в 1945 году. И когда мне исполнилось только 4 годика, я осталась круглой сиротой. Здравомыслящему человеку даже трудно представить такую картину. Родных у меня тоже не было, только соседи, точно такие же сосланные поляки. А что они могли мне дать, чем помочь, если у каждого из них своя семья и жизнь впроголодь? Кто давал кожанку от запеченной в углях картошки, кто хлебную корочку, кто маленькую кружку несладкого чая. Жила где придется: то в чьем-то сарае, то в стогу соломы, в общем, везде. И так я скиталась в течение двух лет. Соседи начали собирать документы для оформления меня в детский дом, так как я была никому не нужна. А в двадцати километрах от нашего села находилась деревня Зелёный Гай (так называемая в то время «11-я точка»), где проживали такие же сосланные поляки и немцы из Поволжья. И одна семья — Очковские Аделя и Эммануил — жили в этом селе, и у них не было детей. Они очень хотели взять в семью ребенка, но такого, чтобы у него не было родных, чтобы потом не было никаких претензий. И таким ребенком оказалась я, шестилетняя. И вот они приезжают за мной. Но представьте себе, как я выглядела за два года скитаний под заборами в холоде и в голоде. Увидев меня, они даже сначала испугались — я выглядела так, как будто была выпущена из Бухенвальда, почти ослепшая на почве истощения, со страшным рахитом, обросшая, как Маугли. Но когда они подошли ко мне, я, подслеповатая, с радостью бросилась на шею Аделе с криками: «Мама, мама, ты приехала! Не покидай меня!», так как соседи мне внушили, что скоро за мной приедет мама, и я от безысходности поверила в это. А Эммануил сказал, глянув на меня: «Аделя, мы не доведем этого ребенка до дому, посмотри, он еле живой». Но Аделя была глубоко верующим человеком и ответила: «Знаешь, если Богу угодно, он поможет нам. При мне иконка Иисуса и его матери Девы Марии, я помолюсь и попрошу помощи, и они помогут нам. А если нет — кто-то же должен похоронить это дитя». Господь услышал ее молитву, и они довели меня домой. Сразу же обратились в больницу, задав первый вопрос врачам: «Ребенок будет жить, будет видеть?» Врачи ответили, что да, только необходимо положить ребенка в больницу и достать необходимые лекарства. Так, в больнице,

* Истории депортированных в Казахстан польских семей публиковались в журнале польской диаспоры *Aimatycski Kurier Polonijny* с 2012 по 2018 годы. Часть историй записана и собрана в Казахстане, часть прислана уже из Польши теми, кто принял решение вернуться на историческую родину. Помощь в работе оказывали сотрудники польских этнокультурных объединений, музеев, в том числе музея Второй мировой войны в Гданьске.

я пролежала три месяца, после чего приобрела человеческий вид. Приблизился сентябрь 1948 года, время поступления в школу, а у меня никаких документов на руках, даже свидетельства о рождении не было. Пришлось с папой обратиться в ЗАГС Чкаловского района и выписать дубликат свидетельства, в который вписали дату рождения: 20 сентября 1941 года. Папа у меня работал комбайнером в Яснополянской МТС, а мама на колхозном огороде в селе Зелёный Гай. Благодаря этим людям (а я их всю жизнь звала только мамой и папой) я обрела второе рождение, семью и счастье. Я им низко-низко кланяюсь и благодарю за это, хотя их уже и нет в живых. Мама умерла в 1980 году, а папа — в 2002-м. Пусть земля будет им пухом... В 1958 году я окончила Яснополянскую среднюю школу, так как в Зелёном Гае школа была неполная средняя (семилетка), затем поступила в Петропавловский пединститут, который успешно закончила. В 1965 году вышла замуж за Червинского Чеслава Францевича, родила двух прекрасных сыновей: Валерия и Олега. Оба получили высшее образование: Валерий окончил Новосибирский государственный университет, живет и трудится в Новосибирске, имеет семью. А Олег окончил факультет журналистики Казахского национального университета и живет в Алма-Ате. Я проработала 48 лет на педагогическом поприще, из них 30 лет — завучем школы. Сейчас на пенсии, живу в Новосибирске. Кто бы мог подумать, что из такого умирающего, осиротевшего ребенка вырастет человек, да еще и даст плоды — двух прекрасных сыновей, которыми я горжусь. Я благодарю Господа, что он меня спас и подарил жизнь со всеми ее прелестями. И поэтому я искренне верю, что Господь есть и он нас ведет по жизни. Верьте в это, люди! И молитесь ежедневно за то, чтобы мир был на нашей планете Земля и чтобы мы любили и ценили жизнь, которая нам дается однажды. И, как говорила Святая Мать Тереза Калькуттская: «Жизнь — это бездна неведомого, это имущество. Береги его. Она твоя жизнь, борись за нее!»

Эдуард Любчанский

Как прекрасна человеческая жизнь, когда ты живешь полноценно и свободно в стране, которую считаешь своей Родиной, когда можешь свободно передвигаться, ехать, куда тебе надо, и когда у тебя есть хорошая работа и ты чувствуешь, что кому-то нужен. Совершенно в иной ситуации оказались поляки, проживавшие в западной части Украины и Белоруссии в 1936 году. Родители, наверное, понимали, что их, в первую очередь, лишают свободы, а потом уже гадали, куда их отвезут. А трудиться они могли и на новом месте. Жили они на Украине небогато, но у них был дом, работа и родина, где они родились. Но в том, что они лишались свободы (и особенно я понял это уже позже), убедились на месте ссылки. Поэтому хочу немного рассказать об отдельных моментах своей жизни в ссылные годы. Мне было чуть больше годика, когда вместе с родителями, бабушкой и дедушкой по материнской линии нас выслали из местечка Городок Хмельницкой области. По словам родителей, дали несколько дней на сборы и в товарных вагонах повезли в Казахстан. Привезли нас в центральный Казахстан. Повезло, что приехали летом, потому что расселяли практически в голой степи, и многим пришлось строить землянки, чтобы пережить первую зиму. Моя семья была поселена в «Точку №13» (эти поселения и позже, имея уже названия, назывались точками, видимо, так было легче службам КГБ), в последующем — село Лозовое Ново-Черкасского района Акмолинской области. Нашей семье повезло, потому что нам досталась недостроенная землянка. Потом ее достроили, и мы жили в ней до 1946 года. Этот так называемый дом я хорошо помню, потому что закончил в этом поселке четыре класса. Он представлял собой полузаглубленный дом, пол был на метр ниже земли, стены из глиняного самана, крыша, покрытая соломой и глиной, защищающая от осадков. Полы были тоже глиняные. Дверь открывалась внутрь,

так как зимой дома заносило снегом, после бурана сугробы были до крыши, и чтобы выйти из дома, копали изнутри траншеи и по ним передвигались. Зато нам, ребятишкам, было хорошо кататься на санках с крыш своих домов. Человек привыкает ко всему, и в этих трудных условиях люди жили, не имея возможности отлучаться из поселка никуда, и обязаны были дважды в день отмечаться в комендатуре. Земли, куда поселили поляков, были плодородными, их нужно было обрабатывать, бесправные ссыльные делали это за мизерную оплату, поэтому жилось очень тяжело. В годы войны все зерно растили для фронта, и люди это понимали. Я мальчишкой в поселке видел людей, которые опухали от голода, хотя совхоз был зерновой (фактически это было принудительным переселением для освоения целинных земель). Впоследствии читал в газете «Правда», что совхоз «Первомайский», куда входило наше отделение Лозовое, освоил еще до войны целинные земли. Вот так Сталин еще до Хрущёва рабским трудом осваивал целину. Моя детская память сохранила многие вещи, которые сегодня кажутся дикими, хотя в то время были обычным делом. Так, впервые сахар и яблоко я увидел уже после войны, учась в четвертом классе (видать, кто-то завез их к нам). В школе на весь класс были один или два учебника, и ходили заниматься друг к другу по очереди. Писали на обрывках бумаги и на газетах, чаще всего использовали страницы из каким-то образом попавших в поселок книг. Чернила делали из свеклы или сажи. Но тем не менее мне очень хотелось учиться, и я пошел в первый класс с шести лет, но проходил только до больших холодов, потому что валенки полагались только начиная с семи лет. Вспоминаю, что в поселке не было грамотных людей. Моему отцу перед войной пришлось стать председателем (тогда еще колхоза), хотя он закончил всего два класса церковно-приходской школы. Он умел читать и писать, но совершенно не знал дроби, и в последующем (уже в Караганде, когда он был мастером) мы с сестрой помогали ему заполнять наряды. В армию ссыльных поляков не брали, поэтому в 1942 году многих из поселка, в том числе отца, увезли в трудовую армию. Отец попал в Караганду и работал на угольных разрезах, в которых открытым способом добывался уголь, так необходимый для фронта и страны. Я хорошо помню, как отец присылал мне тетрадки с желтыми страницами. Желтые листы были потому, что они делались из мешков, в которых привозилась взрывчатка для взрывания угля в разрезах. Но мы с сестрой были счастливы и считались в классе «богатыми». Наша семья прожила в этом поселке Лозовое до 1946 года без отца. Но благодаря его рукам у нас был небольшой запас зерна в отсеке, сделанном им в сенях (в 1940 году был большой урожай, и зерно развозили по дворам, высыпали прямо на землю, кто смог его сохранить, жил два-три года). В последующие годы на трудодень (а именно трудоднями оценивался труд колхозника) выдавали по 100-150 граммов зерна. Большой семье этого явно не хватало, но других выплат не было. Я хорошо помню, что мы ходили в обуви, присланной отцом из Караганды, он шил ее сам из старой прорезиненной ленты для транспортеров. Шил и другое, что получалось. Отец был мастеровитый и даже делал кое-какую мебель из того, что было под рукой, и в разобранном виде присылал нам. Наша ребячья жизнь казалась нам нормальной, все беды обрушивались на родителей. Из детства я не помню каких-либо ЧП, так как другой жизни мы не видели и не знали. Я учился хорошо и очень радовался, когда надо было идти в школу. Летом бегали в поле и на озеро. Собирали степной шавель, грибы, ловили рыбу. Самым трудным считалось, когда родители заставляли собирать в степи кизяк (сухой навоз от животных), им топили зимой печки. Хорошо помню, как, начиная со второго класса, мы школой организованно собирали колоски на уже скошенном поле, чтобы урожай не пропадал. Это было нашим маленьким вкладом для фронта (и не дай Боже было взять хоть колосок домой!). Учили в школе нас по тем же программам, что и во всей стране, и, конечно, мы, дети, не понимали, что мы были ограничены в свободе и не могли выехать за пределы поселка. У наших родителей не было даже паспортов. Мы не знали, что такое пионерлагерь, не говоря уже, допустим, об экскурсии в Акмолинск. Но зато

как мы радовались 9 мая 1945 года Победе, и это было от души! В 1946 году тех из нас, у кого отцы были в трудармии, так же в товарных вагонах под охраной бойцов НКВД перевезли в Караганду. Большой промышленный город во многом изменил мои взгляды на жизнь (хотя я в то время был таким же мальчишкой). Жили в районе угольных разрезов на станции Михайловка, где я закончил седьмой класс. А уже среднюю школу №4 заканчивал в поселке Фёдоровка, которая находилась в пяти км от нас и куда ходил пешком вместе с друзьями, среди которых были и русские, и казахи. Жили мы бедно, но так после войны жили все спецпереселенцы: поляки, немцы, чеченцы, корейцы, да и свободные люди других национальностей (правда, они могли в любой момент уехать), которые осваивали угольные недра Караганды, а впоследствии создавали металлургию Темиртау. Мне запомнились отдельные моменты жизни в Караганде. Строительство дома (материалы для него отцу выдали на работе), до этого мы жили в бараке. Помню рассказы, как в Караганде орудовала банда «Черная кошка», как у нас из сарая украли корову. Но в целом жизнь была полегче, чем в Лозовом. Хоть и была карточная система снабжения продуктами, жить было можно. Я был старшим из детей, а было нас двое братьев и двое сестер, поэтому на меня легла обязанность получать продукты по карточкам. Какая же это ответственность — не дай Бог, чтобы у тебя утром украли карточки или же ты их потерял. Тогда помирай с голоду — ведь карточки выдавались сразу на месяц и восстановить их было невозможно. Но даже по карточкам получить хлеб было нелегко: нужно было встать рано и отстоять огромную очередь в магазин. Толпа была огромной, и я видел, как из нее вытаскивали полузадушенных людей. Мы, мальчишки, чаще всего проползали под ногами, и хотя была опасность, что тебе оттопчут руки, была надежда, что ты пробьешься к продавщице пораньше и тебе достанется еще белый хлеб. Учился я в школе хорошо, так как понимал, что, только хорошо закончив школу, можно было на что-то надеяться в будущем. Нас практически ни в чем не ограничивали, можно было даже вступить в комсомол. Я часто советовался с отцом, вступать ли мне в пионеры, потом в комсомол? Отец говорил: сам решай, тебе жить. Но я точно знаю, что его не раз звали вступить в КПСС, но он всегда отказывался, а так как настоящую причину назвать было нельзя, говорил, что недостойн. В старших классах я вступил все-таки в комсомол, и в десятом классе был даже секретарем комитета комсомола школы. По вечерам ходил в аэроклуб, так как хотел стать летчиком. Но к окончанию школы мне сказали, что я зря трачу время, так как в летное училище меня не примут. Мне пришлось расстаться с этой мечтой, хотя я уже готовился к учебным полетам, а вот моих друзей — русского и украинца — приняли. Это была первая пощечина. Дальше — больше. Хорошо заканчивая школу, решил поступать в Московское высшее техническое училище имени Баумана. Тогда мне категорически отказали в комендатуре, попросил хотя бы Свердловский политехнический институт. Очередной отказ — разрешили учиться только в Казахстане. Тогда я послал документы в Алма-Атинский горно-металлургический институт. В этот же город ехала учиться моя одноклассница поступать в университет, решили ехать вместе. Но пока я получал разрешение на выезд, она уже уехала, и наконец, к концу июля, я кое-как успел в приемную комиссию. Вроде все шло нормально. Но 31 июля 1953 года меня вызвали в приемную комиссию и попросили забрать документы, так как практика у них за пределами Казахстана, а меня все равно не выпустят. Экзамены начинались завтра, 1 августа, и меня к ним не допускают. Я, в душе еще мальчишка, с полными слез глазами забрал документы и бегом помчался в Сельскохозяйственный институт, на факультет лесного хозяйства. Там сказали, что, если хорошо сдам экзамены, возьмут. Сдал шесть экзаменов, получил четыре «пятерки» и две «четверки». Стали вызывать тех, кто прошел, свою фамилию не слышу. Уже и троечники пошли, а меня все нет. Иду в приемную ректора вуза, и там мне говорят, что я не прошел. Вот тут я вспомнил своего отца, который говорил мне перед выездом: «Сынок, сиди дома, все равно тебя

никуда не примут как поляка. Найдем тебе работу в Караганде». Но я ответил отцу, что добыю своего и в Караганду не вернусь. Я решил (как последняя попытка) обратиться в ЦК комсомола Казахстана. Тем более, работая в школе в комитете комсомола, я примерно знал уже, как вести себя в подобных случаях. Со мной попросилась еще одна девушка, немка, тоже не принятая по национальным мотивам. На второй день нас приняли в ЦК, выслушали, при нас позвонили ректору Сельскохозяйственного института. На факультет лесного хозяйства не было мест, и нам предложили пойти на гидромелиоративный факультет. Мы вынуждены были согласиться. Вот так я стал студентом. А через три года, в 1956 году, с нас, ссыльных (поляков и других народов), было снято позорное клеймо спецпереселенца. Хотя по жизни и дальше мне не раз напоминали о том, что я поляк и мне не все положено. Вспоминая эти отдельные моменты из своей жизни, я все же прихожу к мнению, что, если бы моя жизнь повторилась сначала, я бы многое оставил неизменным. Меня в жизни окружали хорошие люди и отличные друзья всех национальностей (у меня много друзей-казахов, с которыми я прошел по жизни). Но при условии гарантий, что я буду свободным. Мне уже 82-й год, и я счастливо прожил жизнь. Многие мечты я осуществил через сына, он закончил вместо меня Бауманку и сейчас живет в Алма-Ате. Я прошел путь от инженера до директора крупнейшего в Средней Азии проектного института. Имею награды. Все время хочу вернуться в Польшу, на историческую родину, но пока не хочет сын, а родители должны быть там, где их дети... Можно много рассказывать про прожитую жизнь, я вспомнил только отдельные моменты. По жизни мне не раз приходилось слышать, что я ссыльный поляк, но я горжусь своей национальностью. Часто езжу в Польшу, где живет мой младший брат, которому я помог выехать из Караганды с семьей в трудные 90-е годы. Живут они хорошо, никто их не упрекает и не попрекает. В заключение хочу только подчеркнуть, что самое страшное для человека — это потерять свободу. Поэтому для каждого поляка главное — это свобода!

Альберт Левковский

...Весна 1933 года, голодного года. Именно тогда наши родители начали строительство нового дома. Запомнился первый день. Еще с ночи шел мелкий густой дождь. Серые хвостатые тучи задевали верхушки деревьев. Люди начали сходитьсь с раннего утра. Отменить работы нельзя было, потому что уже раскопан котлован, в бочках стояла вода, вокруг разложена солома, и главное, потому что обед уже варился в горшках и у нас, и у соседей, а обед был главной оплатой для всех, кто пришел сегодня работать. А работа предстояла такая: нужно было замесить котлован глины, переработать ее вместе с соломой в «вальки» и уложить их в стены строящегося дома. Женщины, подоткнув юбки за пояс, накинув на себя мешки, платки, голыми ногами месили грязь. Мужчины подливали воду, точнее поливали замес, посыпали его половой. Когда же это болото было доведено до требуемой консистенции, мужчины сменяли женщин и вилами, лопатами-шуфлями выкидывали его на обочину котлована, а женщины, стоя на коленях и хватая комьями это болото, добавляли соломы и месили его до тех пор, пока не получался очень упругий валец. Мужчины тут же складывали их на носилки и доставляли под соломенную крышу каркасного дома. Там «специалисты» укладывали вальки в стены, точнее лепили из них стены. Валец к вальку, ряд за рядом рос простенок. Потом был обед. Под крышей будущего дома на строительные козлы положили доски, покрыли их какими-то скатертями и разложили керамические миски, деревянные ложки, хлеб и соль. Из закопченных горшков, чугунов струился щекочущий запах украинского борща. Перекрестившись, начали есть. Никто ничего не говорил, только приглушенные скрепки ложек и свистящее втягивание горячего нарушали эту тишину. На второе была густая пшенная каша,

обильно зажаренная на подсолнечном масле с луком, ароматный запах которого витал в воздухе. После обеда люди разговорились, оживились и запели грустные и прекрасные украинские песни. Но делу — время, а потехе — час. Опять взялись за работу.

Помню выложенные из вальков стены, которые долго не штукатурились, так как были сырые и давали осадку; помню, как делали обрешетку для черного потолка и как молот сорвался у кого-то из строителей и рассек лоб и нос отцу, проходившему внизу. Чудо! Еще бы сантиметр — и не было бы отца.

Помню, как перешли в новый дом — одна комната, кухня и сени, а еще две комнаты отделялись аж до весны 1936 года. В апреле наконец-то вошли.

Помню радость родителей, их гордость перед соседями, чистоту и порядок во всем. Каждый день у нас были гости, в основном свои, родные — тети, дяди, бабушка, соседи.

Радовались родители, радовались родные. Но были и завистники, недоброжелатели. И может быть именно они постарались: в середине мая с субботы на воскресенье поздней ночью постучали в окно. Назвался — уполномоченный сельрады (сельсовета) такой-то. Отец открыл дверь — при свете керосиновой лампы он увидел знакомого выконавца (исполнителя) и незнакомого красноармейца с ружьем. Выконавец вошел в дом, красноармеец остался на дворе. Выконавец объявил о переселении и ушел. Красноармеец с ружьем остался на посту. Две недели сроку. Две недели красноармеец стоял у двери, две недели шли сборы: резали поросенка, нажарили шкварок с луком, напекли колбас, уложили в кастрюли, чугунки и залили кипящим свиным жиром. Поставили в погреб, чтобы хорошо застыли. Упаковали постель, посуду. Разобрали деревянную кровать, приготовили канапу (софу), две табуретки. И две иконы, одна из которых до сих пор висит в квартире покойного брата Володи. Испекли хлеб, пересушили на сухари. Особой заботы требовала корова, которую тоже разрешили взять с собой. Заготовили несколько тюков сена на 15-20 дней, «дерти» (грубо смолотые ячмень, пшеница) для приготовления «пойла» и смачивания им сена. Всего можно было взять вещей и «барахла» на две подводы. Такая была норма. Последнее воскресенье прошло в заключительных сборах, беседах с родными, близкими и соседями. В понедельник к дому подъехало две подводы в конных упряжках, и родители начали укладывать нехитрые пожитки. Сверху посадили нас, троих братьев десяти, восьми и шести лет. Начался дождь, детей укрыли одеялами, платками. И поехали. Родители пешком молча шли за подводами. Шли родные, друзья и соседи. Возле каждого дома стояли люди, молча смотрели на эту процессию. На выезде из села уже ждали несколько подвод, уполномоченные сельсовета и солдаты с винтовками — ехать должны все вместе, одним обозом. В местечке Купеле, в двух километрах от нашего села, остановились у костела, помолились, поплакали, помолчали. Женщины, причитая, выли. Следующая и последняя остановка — железнодорожная станция Войтовцы. Разгрузили вещи рядом с рельсами. Поезда еще не было. Женщины и дети сидели на вещах, мужчины со скотом и мебелью уехали в какой-то тупик, чтобы там загрузить все это в вагоны. Нам, детям, все было ново, все было интересно: и железная дорога, и проходящие поезда, и люди, и дома не такие, как наши. Но вот подошел товарняк — пустые вагоны с двойными нарами, верхними и нижними. Нам отвели верхние, и это было нашей первой радостью — там слева и справа были зарешеченные окна-щели и все-таки выше других. Мама расстелила все, что можно было расстелить, пришел отец, и мы пообедали. На всю жизнь запомнился вкус жаренных с луком шкварок, намазанных на хлеб, — казалось, ничего вкуснее никогда не ел. Но вот задвинулись двери-ворота, кто-то снаружи с лязгом задвинул железный засов, и в полумраке мы поехали. И впервые нам, детям, стало страшно: почему закрыли, почему темно и куда нас везут? Прижавшись к родителям, все молчали, и каждый думал о своем. А еще причиной молчания, возможно, было то, что в каждом вагоне

(это я узнал в 1993 году из комендантских книг о переселении, когда занимался реабилитацией поляков, немцев, чеченцев, ингушей, евреев, турков и др.) ехал чужой человек, сексот (секретный сотрудник), в обязанности которого входило знать настроение переселенцев, всех и каждого в отдельности. Некоторые доносы сексотов были аккуратно подшиты в списках переселенцев по вагонам. Так, например, один грузин «говорил, что его выслали за то, что его брат жил в Турции»; в другом доносе подробно описаны причитания одной польки (кстати, нашей соседки), когда пересекали Уральские горы, о том, что она, подняв руки к небу, плача, причитала: «Боже, куда нас везут, нас везут на погибель, спаси нас». При этом было подчеркнуто, что в это время муж «что-то на ухо ей говорил». Летом 1937 года «черный ворон» среди белого дня забрал его с концами. Ни письма, ни звонка. Только в конце 50-х годов пришло извещение о его реабилитации, посмертно. Такая же участь постигла и маминого брата, тридцатилетнего ветеринара Николая Сочиньского, старших братьев на Украине Владека и Адолька, а их семьи вывезли на Соловки.

Всего было назначено на переселение 6 семей, в них 30 человек.

Вот список этих семей в полном составе:

I.

1. Левковский Георгий Казимирович, 1899 г.р.
2. Левковская (Сочиньская) Полина Ивановна, 1904 г.р.
3. Левковский Героний Григорьевич, 1926 г.р.
4. Левковский Альберт Григорьевич, 1927 г.р.
5. Левковский Вильгельм Григорьевич, 1930 г.р.
6. Сочиньска Мария Ивановна (бабушка), 1870 г.р.

II.

1. Сочиньский Николай Иванович, 1906 г.р.— брат мамы
2. Сочиньская Александра Кирилловна, 1912 г.р. — жена брата
3. Сочиньский Иван Николаевич, 1936 г.р. — сын

III.

1. Сташевский Виктор — 1896 г.р.
2. Сташевская Елена
3. Сташевский Эдвард
4. Сташевская Нина
5. Сташевская Регина

IV.

1. Ручинский Иосиф, 1904 г.р. — отец
2. Ручинская Юзефа, 1905 г.р. — мать
3. Ручинский Леонид Иосифович, 1930 г.р. — сын
4. Ручинская Люся Иосифовна, 1927 г.р. — дочь
5. Ручинский Иван Иосифович, 1936 г.р. — сын

V.

1. Белецкий Феликс, 1900 г.р. — отец
2. Белецкая Мария Ивановна, 1906 г.р. — мать
3. Белецкий Болеслав Феликсович, 1925 г.р. — сын
4. Белецкая Гелька Феликсовна, 1926 г.р. — дочь
5. Белецкий Эдвард Феликсович. 1928 г.р. — сын

VI.

1. Мацкий Павел, 1885 г.р. — отец
2. Мацкая Теофиля, 1890 г.р. — мать
3. Мацкий Иосиф Павлович, 1915 г.р. — сын
4. Мацкая Ирена Павловна, 1921 г.р. — дочь
5. Мацкая Евгения Павловна, 1926 г.р. — дочь
6. Мацкая Касюнька Павловна, 1923 г.р. — дочь
7. Мацкий Иван Павлович, 1927 г.р. — сын

.....

Но вернемся к дороге. К сожалению, воспоминаний о двухнедельном пути осталось очень мало: душные, наглухо закрытые вагоны, частые остановки, охота за кипятком и холодной водой, поиски туалетов и постоянные разговоры об отставших. А еще запомнились похороны мальчика, умершего в дороге. И, конечно, Уральские горы, глубокие ущелья, мосты через реки, незнакомые города и безжалостная болтанка вагонов.

Наконец, последняя станция — Таинча Северо-Казахстанской (тогда Карагандинской) области. Девятого или десятого июня. Впрочем, точную дату можно установить по календарю солнечных затмений¹. Разгружались переселенцы почти целый день, и вывозили всех на машинах за село, за станцию. Вещи складывали по семьям, почти рядом. После трудной разгрузки и короткой ночи наступил теплый солнечный день, где-то в высоте трелью заливались жаворонки, поодаль паслись истосковавшиеся по свежей траве коровы, шутливо «дрались» доселе незнакомые собаки. Мы, дети, тоже радовались солнцу, траве, теплу и свободе — бегали наперегонки, кувыркались, играли в лапту. На кострах, впервые за две недели, готовилась горячая пища, запахи которой дразнили и звали к очагу. После завтрака наступило относительное затишье, все так же в высоте продолжал свою песню жаворонок, на станции постукивал на стыках рельсов проходящий поезд, откуда-то доносился размеренный звон ведра от струй молока при дойке коровы. Люди копошились в нехитром своем скарбе: что-то развязывали, снова завязывали, снова собирались в дорогу, теперь уже недолгую и последнюю — до нового и постоянного места жительства. И вдруг кто-то заметил пасмурность дня, поделился с соседями. Все смотрели на небо, но там ни тучки, все так же светило солнце, но с чуть заметной грустью, словно прищурилось и задумалось. Переговариваясь вполголоса, люди бросили свои занятия и стали ждать. А солнце все мрачнело и кругом все быстро темнело. И вот наступила кромешная тьма, на небе появились звезды, но никто их не видел. Семьи, сбившись в кучи, ждали конца света. Завыли собаки, замычали коровы, плакали и вслух молились женщины. Никто не знал, что это закон природы и что «это» скоро пройдет. Лишь один молодой человек Адольф Зивинюк (это я потом узнал), которому в то время исполнился 21 год, постарался успокоить людей, объяснить это природное явление, но его никто не слышал из-за плача и рыданий, а еще и потому, что у него после неудачной хирургической операции в горле была щель, из которой со свистом вырывался воздух, и вместо крика из его уст слышна была только хрипота. Все продолжали смотреть на солнце, но на его месте виднелась только оранжевая корона. Но вот справа часть короны стала медленно светлеть и превращаться в яркий серп, который стал быстро расти и выделяться. Вот он уже, как в новолуние, только очень яркое, вот больше и больше, и наконец солнце засияло с несравнимо большей яркостью, чем было. Дети прыгали от радости, хлопали в ладоши, кувыркались на зеленой траве. В лагере наступила тишина, в небе снова зазвенел жаворонок. Однако старые люди продолжали молиться, остальные угнетенно молчали — это было тяжелое предзнаменование.

В тот же день после обеда начали подъезжать грузовые машины ЗИСы, и люди начали грузить свое нехитрое имущество. Помогая друг другу, работали молча и быстро — всем хотелось быстрее попасть на место, осмотреться, как-то обустроиться и никуда больше не ехать. Машин было много, по мере загрузки они отъезжали в сторону и выстраивались в колонну. Человек в военном, другой — в штатском, проведя с водителем экспромт-семинар, сели в газик и возглавили движение в западном направлении. Светило жаркое июньское солнце, передняя машина угадывалась по облаку неподвижно стоящей пыли. Кругом, куда ни глянь, до горизонта простиралась седовласая ковыльная степь. Ехали относительно медленно, грелись моторы, во время

¹ 19 июня 1936 года — полное солнечное затмение (*Прим. ред.*).

коротких остановок слышна была звенящая степная тишина, только суслики столбиками стояли на бугорках и посвистывали от удивления. Но вот и первое село, Многоцветное, хотя в глаза бросались только темные и изредка белые домики. Основано село в начале двадцатого века русскими, «жертвами» сталинских реформ. Изредка по дороге встречались одноконки, управляемые казаками. Под телегой болтался бурдюк (кожаный мешок с кумысом), на телеге сидел, подогнув ноги калачиком, хозяин этой степи. Несмотря на жару, он был одет очень тепло: на голове огромный малахай из бараньей кожи, стеганный сюртук без воротника, кожаные штаны на очкуре и высокие сапоги с раструбами голенищ выше колен. Острый, даже колючий взгляд его узких раскосых глаз, жиденькая клинышком борода и желтый цвет лица не оставляли приятного впечатления. Еще километров через тридцать проехали мимо двухрядного немецкого села Келлеровки, потом Любимовку, Летовочное, Краснокаменку, Славяновку. И, наконец, наша колонна остановилась возле полуразрушенных стен землянки, построенной когда-то хозяином этой степи Сарыгачом. Здесь было стойбище «Джайляу» — центр летнего выпаса лошадей, скота. Тут же в небольшой низине был колодезь, очень глубокий, но с хорошей холодной водой. Этот родник был главным богатством будущего села — чистая, вкусная вода и ее неисчерпаемость. Благодаря этому колодезю спецпоселенцы за одно лето изготовили десятки тысяч штук самана, построили «сталинские» домики, готовили пищу, спасались от жары, поддерживали санитарию. На каждые две-три семьи выдали по одной палатке, то ли от солнца, то ли от ветра, но в дождь они сплошь протекали. В первые же дни мужчины из дерна построили печки, где готовились обеды, ужины. Ни дров, ни соломы в первые дни не было, топили кизяком (высохшим коровьим дерьмом, оставленным прошлогодним скотом). Рядом с нашей палаткой стояли палатки комендатуры и медпункта. Старшим комендантом был Фролкин, его помощником Иван Тимченко, в медпункте жила фельдшер, очень миловидная девушка с восточными чертами лица. Военная форма, ромбики на лацканах рубашек, портупей и кобуры на поясах внушали страх и уважение. Фролкин был очень строгим и даже жестоким, отчитывал за каждое нарушение режима или неповиновение, мог даже ударить, каждый день предупреждал о недопустимости побега. Тимченко был веселым молодым человеком, высокий, статный, как говорится, ладно скроен, крепко сшит. Военная форма, галифе еще более подчеркивали его стать. Он всегда был открытым для людей, мог выслушать, посоветовать, помочь. Помню, как он возле костра одним ударом ножа разделил пополам вареное неочищенное яйцо. Нам, мальчишкам, показалось это и ловкостью, и силой, и красотой. Кстати, к осени он влюбился в переселенку, девушку неопишущей красоты, Гелю (Елену) Куликовскую и женился на ней, за что был изгнан из органов НКВД.

Помню первое собрание переселенцев. На небольшой возвышенности, несколько вдали от палаток, накрыли красным полотном длинный стол, принесли табуретки, стулья, и представитель района открыл собрание. Перед ним стояли, сидели около двухсот мужчин и женщин. Зачитал список, кого следует пригласить в президиум. По мере занятия мест он называл их фамилии. На повестке дня стояло очень много вопросов: о названии села, об организации колхоза и сельского совета, колхозных ферм и производственных помещений; о пастухах для выпаса личного скота, о выделении места под кладбище, о рытье колодезев и другие. Село назвали «Степным», колхоз — «Авангардным». Первым председателем колхоза избрали Ковальского Викентия Ивановича, сельсовета — Репневского Станислава. Оба в 1937 году были репрессированы. Репневский вскоре вернулся (говорили, дал показания на киевского прокурора), а Ковальский в 1956 году был реабилитирован посмертно без сообщения о причине, месте и времени смерти.

После собрания началась повседневная, очень напряженная и тяжелая работа. Были созданы строительные, полеводческие, животноводческие бригады, появились

кузнецы, плотники, конюхи и скотники, но основная масса людей была задействована на выделке самана — кирпича из глины и соломы. На земле вычерчивался круг радиусом 7-8 метров, в центре вбивался крепкий кол. Землю в круге выкапывали вручную, заливали водой и обильно посыпали соломой. На кол надевали колесо и прицепляли к нему упряжь для двух лошадей, которые ходили (их гоняли) по кругу и месили глину. Мужчины и женщины носили и подливали воду, подсыпали соломы. Когда же это месиво достигало определенной кондиции, лошадей выпрягали, а люди, закатав штанины, подоткнув юбки, продолжали эту унылую и очень тяжелую работу — солома до крови растирала кожу, от холодной воды судорога корчила ноги. Но люди не жаловались, коллективный труд и понимание его необходимости объединяли их, придавали сил и даже энтузиазма. Мужчины старались перед пока еще малознакомыми женщинами, а женщины перед мужчинами. Кто-то вполголоса запевал песню, кто-то подпевал, поддерживал, и вот уже все в такт своим размеренным шагам негромко выводили: «Нээ Галя воду, коромысло гнэцца. А за ней Иванко як барвинок вьэцца...» Когда ноги уже с трудом проваливались в месиво, наступала очередь мужчин. Они, как бывало на Украине, вилами выкидывали эту вязкую смесь на носилки и относили на полянку, где вываливали ее на деревянные формы из девяти секций, каждая из которых имела размеры самана. Две женщины разравнивали эту смесь, тщательно заполняли все углы и специальной дощечкой стягивали излишки и неровности, предварительно смочив верх водой. Затем, взявшись за ручки, поднимали форму, оставляя на земле девять саманов-кирпичей. Остальную работу завершали солнце и ветер. Выбрав весь «строительный материал», дно котлована снова перекапывали, и все повторялось сначала. И чем глубже разрабатывался котлован (до 1,5 м), тем лучше была глина, тем меньше нужно было воды и соломы и тем труднее было разрабатывать его. Таких котлованов было около тридцати, весной следующего года они заполнились талой водой и превратились в искусственные озера, где дети (да и взрослые) купались (и даже тонули), поили скот, разводили гусей и уток, стирали белье. По мере высыхания саман складывали стенками-пирамидами с окошечками внутри, что способствовало скорейшему высыханию. А метров двести севернее саманного карьера «прорабы» по какому-то плану разбивали колышки, натягивали шпагат и копали неглубокие траншеи, которые стали фундаментом «сталинских» двухквартирных домиков общей площадью 38 квадратных метров, т.е. каждая квартира 16 кв.м. Это была одна комната и сени. И стены, и потолок (крыши не было), и пол были земляными. В дождь не хватало посуды и других емкостей, чтобы подставлять их под всюду протекающий потолок. А летом, когда температура поднималась до сорока градусов, не было спаса от жары и блох. Как только с ними не боролись: и водой поливали, и коровьим пометом смазывали... Но самым эффективным оказалось — застилание пола полынью-травой. Так и жили — днем тяжело трудились, а ночью крепко спали и укусов блох не замечали, хотя тело по утрам было сплошь покрыто красными пятнышками. Работали от темна до темна, не было ни выходных, ни праздников. Но люди все равно помнили и отмечали воскресенья и католические праздники. Летом, в канун праздника или в субботу наводился элементарно возможный порядок — смазывался земляной пол, выгонялись или уничтожались мухи, завешивались окна, и если были березовые ветки (их привозили попутки за 30 км), их развешивали по углам, по стенам, возле икон... Запах березовых листьев умиротворял, располагал к отдыху, объединял с природой, напоминал о родных краях. А по вечерам, подоив коров и управившись по хозяйству, женщины тайком в одиночку или парами уходили на ружанец на заранее условленную квартиру. Мужчин было мало — боялись, того и гляди пришьют 58-ю статью — враг народа. А еще в праздничные и выходные дни людей отличало белое чистое белье. Верхняя одежда могла быть и была старой, семь раз латаной-перелатаной, но нижнее должно было выглядывать и светиться белизной.

План села был простой: 10 параллельных рядов, состыкованные попарно

огородами и разделенные шестью улицами с востока на запад и двумя с юга на север. В длинных по краям было по 18 домиков, в коротких — по 12. Всего было построено 144 домика, 288 квартир. Не все они были готовы к осени, последние ряды заканчивали в конце года. Вселялись переселенцы в более-менее готовые дома глубокой осенью, даже в ноябре месяце, когда на дворе стояла сибирская зима. Во многие квартиры — сырые, холодные, без окон (их завешивали одеялами, келимками, рапчаками) — вселяли по две-три семьи. Но даже и таких всем не хватало. Все, кто имел какую-то живность, строили землянки, в основном для скота, а кто и для себя. В последующие годы все домики на зиму обкладывались загатой: закреплялись жерди от земли до крыши в 30-40 см от стены, и это пространство запаковывалось соломой, картофельной ботвой, другими мягкими отходами осени, оставляя просветы для окон и дверей. И в этом была какая-то своя особая красота. На дворе еще осень, а хорошие хозяева уже аккуратно утеплили свои домики золотистой соломой или темно-коричневой ботвой.

А как же люди жили? Чем кормились? Помню, что отец получал в первый год 70-80 рублей в месяц, и этих денег хватало на самое необходимое: хлеб, сахар, соль... Буханка хлеба стоила 90 копеек, его привозили в палатку, позже в магазин, люди с ночи занимали очередь, но часто всем не хватало. Самое тяжелое впечатление оставила палаточная жизнь: знойная жара, нехватка воды, много лежачих больных, особенно детей и стариков, а в дождь — звон капли в кастрюли, ведра, чугуны. И первые и частые похороны на отведенном под кладбище участке. Позже его обозначили полуметровым рвом и земляной насыпью, соорудили большой деревянный крест. Так и стоит он вот уже 70 лет, правда уже не в центре, а отодвинулся далеко на север, потому что кладбище продвинулось далеко на юг. Заросло акацией, деревянные кресты подгнили, попадали, могильные холмики уже сравнялись с землей. В 1961 году умер наш отец, и я, работая уже инспектором облоно, заказал железную оградку, памятник и установил их на могиле отца. Моему примеру последовали многие оставшиеся родственники давно и недавно умерших людей. Рядом с деревянным крестом возвели железный, огородили кладбище, построили домик-капличку для последнего отпевания. Так и лежит зеленым оазисом летом и серым сугробом зимой кладбище поляков-спецпереселенцев, основавших село Степное.

Леон Креницкий

Массовой депортации поляков из Украины на Восток в 1935—1937 годах предшествовало принятое решение об исключении из Коммунистической партии Украины всего руководства Мархлевского автономного польского района. Одной из важнейших причин, послужившей поводом для применения репрессий, было наличие родственников в Польше, а стандартным обвинением — сотрудничество с польской разведкой. По этой причине депортация проходила под эгидой НКВД. Народным комиссаром этой организации был Генрих Григорьевич Ягода (правильно — Енох Гершенович Йегода). Родственник Сведлова, Ягода — один из главных руководителей ВЧК и ОГПУ.

А у моих родителей четверо детей: Вацлав, Болеслав (названные в честь казненных братьев мамы), Валя и Стася. Старшему, Вацлаву 7 лет. Июнь 1936 года, на колхозных и своих огородах все посеяно. Все растет и цветет. Вдруг всех жителей Малой Радогощи выгнали на плац. Руководство районного центра с. Плужное в присутствии работников НКВД объявило, что в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР №776-120 от 28 апреля 1936 года немцы и поляки из приграничных районов Украины переселяются в Казахстан. Там заботливая советская власть построила вам жилье, даст домашний скот и все необходимое. Будете хозяйствовать, участвовать

в строительстве новой колхозной жизни. Никто не знал, где находится этот Казахстан и что там творится. Одни говорили, что он граничит с Сибирью, другие, что где-то там около Монголии. Так или иначе — на краю света. Зашумели мужики, заголосили женщины: «Не поедем, хватит издеваться над нами! Бросить дома, огороды? А как же дети? Как ехать с младенцами? Боже, спаси нас!»

А руководство им в ответ: «Что, сопротивляетесь Советской власти? Хотите стать врагами народа? Вам известно, где они сейчас? Идите домой, собирайтесь! Завтра в это время в путь, а руководству поселка и НКВД — проконтролировать! На отправку явиться с личными документами! С собой брать только самое необходимое». Побрели домой несчастные. Там уже шныряли активисты из Большой Радогощи. Собирайтесь, собирайтесь! Быстрее! Мама коровку завела в огород, где росло все для жизни, напасла ее и сопроводила на колхозный двор. Вела ее, последнюю, мама со всей детворой. Мама держала ее за рога, Вацлов держал за добрую, пахнущую молочком морду. Валя и Болеслав уцепились за хвост. Стасю мама несла на руках. А мыня, так польские дети зовут коров, послушно шла. А мама обливалась слезами: «Кто теперь будет давать тебе все самое лучшее? Кто тебя будет доить? Ты ведь своенравная. Чужим женщинам ты ведь молочка не дашь. Как только сядет под тебя чужая, ты обнюхаешь, если это не я буду, ударишь ногой задней по ведру, а своим пушистым хвостом стеганешь ее по лицу, и будет тебя бить колхозная доярка стульчиком, на котором под тобой сидела, по бокам. Будь послушна, Тароля (так ее звали). Не обижайся на нас. Мы не виноваты». Отец тем временем документы о польской жизни, фотографии родственников в Польше, деда в форме офицерской армии, его наградные листы — все бросал в огонь. Мать заголосила: «Что ты делаешь?» — «Чекисты найдут, меня посадят, а вы без меня не выживете, погибнете!» — ответил отец.

На другой день, 31 мая, под конвоем сотрудников НКВД, при сопровождении руководства села, активистов и комсомольцев поляков на подводах повезли на станцию Изяслав. Прибыли. Что там творилось! Люди, кони, телеги, брички, крики, команды, плач людей, причитания, проклятия! Поезд готов, длинная череда вагонов. Слышится речь украинская, русская, польская, немецкая. Несколько человек поют громко «*Woże są Polskę...*». Видать немцев из сел Кустарня, Михайловка, Лесная. Команда строится перед вагонами. Переключка. Сдать личные документы. Сдали. Человек без документов кто? — никто. Не убежишь. Объявили посадку. Охрана подгоняет, кричит, толкает, ни малейшей деликатности в отношении женщин, стариков и детей. Загоняют в вагоны, пахнет навозом, значит, скот перевозили. Нары в два яруса, родители занимают нижний. Темно, дети перепуганные, режут. Входят другие жители Малой Радогощи: Озинковские, Сливинские, Ясинские... Олишевские... Отец обращается к Олишевскому: «Антон, а вас за что? Вы же первые пошли в колхоз и других за собой звали!» А их пять братьев: Антон, Иосиф, Тадеуш, Филипп, Броньк! Ничего не сказал Антон, пошел занимать места.

В конце вагона дыра, через которую видать рельсы и землю. Импровизированный туалет. Окно одно, заделанное решеткой. Вагон набит до отказа. Двери закрывают на засов, контакт с внешним миром прерван. До свидания родные, прощайте... Не забудьте. Прощальные слезы, рыдания. Впереди тяжкая дорога. Поезд стоит долго, зачем была такая спешка? Еще не тронулись, а все уже измучены. Поезд тронулся, никто не знает куда, в каком направлении. Слышны молитвы «Отче наш...», «Святая Мария», «Под твоей защитой...». Частые долгие остановки, поезд то и дело загоняют в тупики... Шесть суток ехали до Москвы. В столице усиливают охрану, чтобы не разбежались. В вагоне разные разговоры, рассуждения, дискуссии, полные горечи слова: «Куда нас везут, что с нами будет?» Смотрят в окно по очереди, за вагоном лето, красивый вид, на полях работать нужно, а мы закрыты. Какая-то станция. Двери не открывают. Люди на перроне смотрят на охраняемый транспорт как на перевозимых преступников. Видать, так их информировали. Кулаков везут, мироедов. Родственник,

Креницкий Адольф, заглянул в окно, дождь, унылый вид, какая-то деревня. На крыше одного дома, видимо клуб, висит большая пятиконечная звезда и портрет Сталина. «Что там интересного, Адольф?», — спрашивает отец. «Ны куровы, ны свыни, тылько Сталин на стини», ответил по-украински участник Первой мировой, кавалерист, воевавший в Армии генерала Брусилова.

Дети просятя домой. Хотят есть. Им что-то нужно готовить. Как? На чем? Маленькая Стася, которой нет еще годика, постоянно плачет. Пеленки мама с папой сушат на своих телах без стирки. Воды мало, не хватает даже для питья. Туалет воняет, дышать невозможно. Через ту проклятую дыру залетают большие зеленые мухи, мошкара. Больно грызут комары. Не хватает воздуха, запах давно не мытых тел. Мужики хотят курить. В пути уже 10 дней. Дети уже не плачут, только хрипят. Нет сил дальше терпеть. Отец на какой-то остановке стал кружкой бить в дверь. Открыли. Что надо? Не дождавшись ответа, чекист, сквозь зубы, ответил: «Будете хулиганить, закроем в последнем вагоне». Это значит, что в тюрьме на колесах. Мама схватила отца за плечи: «Włagam cię, przestań, jeżeli siebie posadzą do kryminaiu co z name będzie?!» («Я тебя умоляю, если тебя посадят, что будет с нами?!»). Как-нибудь проживем. Как другие, так и мы, Бог не оставит нас. Отец сел на край нар, обхватил голову руками. Мама увидела на его голове первые седые волосы. Дети с каждым днем становятся бледнее. Напал понос. Мученическая дорога продолжается. Проехали Уфу. Как все хотят выйти на воздух, на солнышко из этой железной тюрьмы! Помыть детей, погулять с ними по траве. Как мало ценили то, что имели. Не нужно ни серебра, ни золота, только бы каждый день купаться в лучах солнца, на свежем воздухе, не сидеть в заточении, а работать в огороде, в поле, чтобы было чем накормить детей! В соседнем вагоне женщина родила, ребенок умер, она ничего никому не говорила, прятала трупик у себя на груди. Когда уже от него пошел запах, люди стали колотить в дверь. Поезд остановили, несчастная женщина вернула его в тряпку, засунула под шпалу. Поезд поехал дальше. Перевалили через Урал, проехали Курган. В один день после продолжительной остановки на большой станции Петропавловск поезд повернул на юг. Сначала поезд пыхтел через перелески, а потом степь, степь, степь...

20 июня прибыли на станцию Таинча, которая тоже только что начала строиться. Стояло несколько станционных домиков, строилось депо, стояла палатка с красным крестом — для женщин с грудными детьми. Для большей части приехавших это была последняя станция в жизни. Конвоиры с винтовками открывают вагоны. Приехали! Выгружайтесь! Быстро, быстро! Трупы есть? Выносить в первую очередь. Очистить вагоны от хлама! Пасмурно. Дует сильный ветер. Выскакивают из вагонов измученные, грязные, бледные, заросшие мужики. Страшно смотреть! Качаются на онемевших ногах. Ослабевших, больных, изможденных выносят. Теперь только видно, как много депортированных. Боже! Водокачка! Около самых путей. Все бросились к ней! Пить! Пить! Пить! Чистая, свежая вода! Бери сколько хочешь! Роскошь! Через шум и гам отец слышит: «Wujku, wujku! Wujku!» («Дядя, дядя!») Это зовет дочь родной сестры Анели и двоюродного брата мамы Мазура Яся. «Янэчка, где отец, где мама?» «Тутай, тутай, в соседнем вагоне!» У них шесть детей. «Все живы?.. Слава богу!.. Pozdrowienie wszystkim (Привет всем)».

Так под открытым небом, в ожидании распределения, просидели на рельсах трое суток. Оказывается, с Украины везли общественный скот, сельхозинвентарь: плуги, бороны, возы. Объявили кому — куда. Часть переселенцев из Радогощи переселилась в Келлеровский район, часть в Чкаловский. Сестра отца Мазур Анеля с семьей попала на 7-ю точку, в село Константиновку, как впоследствии назвали это поселение.

Абдельман

23 июня. Вечерело. Подогнали транспорт. Прибыла охрана. Началась посадка. Погрузились. Поехали! Шоферам известна была дорога только до села Драгомировка,

основанного в 1903 году украинцами-переселенцами, а куда ехать дальше, никто не знал. Знали только направление — от Таинши на запад. Стали блуждать, колесить по степи. Шофера ругаются с сопровождением и охраной. Только под утро 24 июня, в день святого Яна (Ивана Купалы) прибыли к месту назначения. Стояла длинная брезентовая палатка, воткнута палка, на которой висел кусок красной ткани, флаг, значит. Командуют: «Разгружайтесь!» Прибыли грузовики с переселенцами из немецких колоний, а также грузовики с сельхозинвентарем: плуги, бороны. Своим ходом пригнали общественный скот, в том числе 70 лошадей. Корова и конь — основа крестьянства, ну а крестьянство — основа государства. Значит, давно готовили переселение, а люди ничего не знали. Спустя десятилетия мы узнаем, что все документы, касающиеся переселения поляков, немцев, значились под грифом «Совершенно секретно», значит, только для узкого круга лиц, имеющих доступ к документам, содержащим государственную и служебную тайну. Вот знакомые с Украины немцы гонят своих коровок. «Guten tag! Dzień dobry! Franek, du auch bist hier?» — «Да, да я тоже здесь!» — виновато отвечает мой отец. «Was ist das zajien zi bitte?» — спрашивают: где мы находимся? «Это степь, пани Рейнгарт, степь!» — «Dast ish meine Aundertrauen?» — спрашивают: можно ли верить своим глазам? «Den Kop einernen Woist hier Krankinenhaus» — Ты заболел, у тебя болит голова? Где больница? На западе остались больницы... «Donner weter!»

Немцы оказались умнее и практичнее. Привезли с собой мебель, сепараторы, коров. Рпдогощы — ни с чем. Подчинились уполномоченным по выселению, отвели своих коров на колхозный двор, а теперь сидели с детьми на сундуках и узлах, жалкие и подавленные, испытывая вину перед детьми и стариками. А вокруг была степь, ровная, как доска, казалось, нет ей ни конца, ни края. Дул пронзительный ветер. Высоко в небе, расставив широкие крылья, парили ястребы-шуляки, удивленные такому скоплению людей на месте, где они веками высматривали жирных сусликов и зайцев. А под ногами у людей была трава, мягкий ковыль. Между пучками то тут, то там на солнце серебрилась просторная, крепкая паутина, в центре которой в норках прятались большие, страшные, гадкие, волосатые пауки. Из нор выскакивали, становились на задние лапки и быстро прятались назад юркие суслики.

Людей мучила жажда. К обеду на одноконной телеге человек, на вид русский, привез воду в двудонной бочке. Выстроилась очередь, давали по одному литру на человека. Позже воду привозили из ближайших аулов Жанатлек и Караозек на верблюдах, которых наши люди видели впервые в жизни. На красивых, пыльных двуконках приехали руководители района из Келлеровки, которая находилась в 35 километрах к северу. Самый главный из них вылез на воз и сказал: «С этого момента вы являетесь спецпереселенцами, под специальным надзором НКВД. Доставили вас на север Казахстана. Ближайший город — Кокчетав. В степи вы не одни. Шесть километров на восток — аул Жанатлек, семь километров на запад — Караозек. Там живут казахи. На месте, где мы сейчас стоим, будете строить село, которое будет называться "Абдельман"». Как-как? Господи, что за название? Представили коменданта, Петр Працко, офицер НКВД, и его помощника, должность — стрелец с карабином. Люди стали возмущаться: «Не хотим здесь оставаться, домой хотим! Невыносимые условия! Где обещанные дома?» «Кто вам обещал, я? — крикнул начальник. — Кто такой добрый вам обещал, с того и спрашивайте!» Юзик Сабинский, голосистый паренек, запел, подтанцовывая, старую украинскую песню: «Йихалы казаки, из войны до дому, пидманулы Галю, зыбрали з собою... Пойдем з нами, з нами казаками, лучше тобі будэ, як у риднэй мамы...» Да! Обманули доверчивую Галю казаки, обманули коммунисты и этот доверчивый народ! «Что за шум? — закричал начальник. — Хватит, прекратить! Комендант! Наведите порядок! Кто без разрешения коменданта выйдет отсюда за километр — арестовать и в Келлеровку, в ДОПР (дом предварительного заключения). И еще предупреждаю, если кто не сдал личные документы — сдать.

Если кто имеет какие-нибудь свидетельства, записи, дневники о вашем тяжелом положении — уничтожить. Будет проверка». Спецпереселенцы выполнили приказ и отдали коменданту все документы, какие имели, а у коменданта условий для хранения не было, причем офицеры часто менялись, документы нигде не учитывались, поэтому просто терялись. Не одно поколение еще не сможет доказать свое происхождение. Начальники поговорили и поехали, а спецпереселенцы остались сидеть на узлах и мешках. Поляки отдельно, немцы отдельно. Среди спецпереселенцев, сидевших с немцами, сидела Крафт Мария Фридриховна (девичья фамилия Миллер). Впоследствии она проработала 21 год секретарем сельского совета и 22 года бухгалтером в колхозе. Благодаря ее знаниям я могу привести следующие цифры. Она, слава Богу, жива. Ей 84 года будет в ноябре. Удивительный и сильный человек, с кем только возможно из односельчан поддерживает связь. Проживает в Гамбурге.

Привезли на «вечное поселение» в поселок Абдельман из сел:

Михайловка — 30 семей, 135 человек, немцы;

Лесная — 29 семей, 108 человек, немцы;

Кустарня — 20 семей, 78 человек, немцы;

Сторниче — 11 семей, 45 человек, поляки;

Малая Радогоща — 42 семьи, 159 человек, поляки;

Билотень — 13 семей, 48 человек, поляки;

Итого 155 семей, 570 человек.

Как видно, больше всего пострадала Малая Радогоща. Как у поляков, так и у немцев, в среднем было по 4 человека в семье.

Кочевники

Вдруг с западной стороны показались всадники. «Едут, едут», — закричали спецпереселенцы. Ехал конный отряд примерно из двадцати человек. Шли важно, стремя в стремя, легкой рысью. В седлах сидели крепко, как будто всадник и лошадь одно целое. Поляки знали толк в конной езде. Некоторые служили в кавалерии и участвовали в битвах Первой мировой войны. Приближаются. Вид у конников был необычный. Несмотря на то, что было лето, одеты были по-зимнему. На головах большие шапки из меха рыжей лисицы, задняя часть закрывает спину. Одеты были в грубые ватные халаты, подпоясаны скрученной тканью. Штаны тоже были ватные, спрятанные в высокие сапоги из выделанной бычьей кожи. Голенища сверху расширились и доходили до паха. Под всадниками небольшие гнедые лошади с гривой и хвостом до самой земли. Как позже узнали, это была монгольская порода лошадей, неприхотливая в содержании, неумомимая в походах. Уздечки из сыромятного ремня, украшенные блестящими овальными и круглыми бляшками. Седла деревянные, стремена из гнутого дерева, отполированные до блеска. За всадниками тянулись трех-четырёхметровые тонкие жерди, одной стороной прицепленные к седлу, с петлей из плетеного конского волоса. Оказывается, этой петлей ловили коней. За каждым всадником бежала рыжая, размером с доброго теленка, собака. Говорили, что такой пес берет волка. Всадники держались с достоинством. Лево́й рукой держали повод, в правой — короткая плеть, называемая «камча», плетенная из ремня. Такого седока с коня не выбить, разве только вместе с конем перекинуть. Женщины испугались, стали собирать вокруг себя детей, как клуши цыплят. Мужики наблюдали с интересом. Что за люди? Чего хотят? Это киргизы, кочевники, пояснил кто-то. Что это значит, кочевники? Это значит, что они на одном месте долго не живут. Как это возможно? Видишь, сколько у них земли? Всадники подъехали ближе и остановились. Теперь можно было рассмотреть их лица. Казалось, что лицом и одеждой они похожи друг на друга, как близнецы. Плоские, скуластые лица цвета бронзы от солнца и ветра. Все

имели редкие усы и такие же редкие бороды. Гости стали что-то говорить громко, но их язык не был похож ни на какой, ранее слышанный спецпереселенцами там, на Украине. Ни на русский, ни на венгерский, ни на чешский, ни на молдавский. Никогда не унывающий Бронислав Свидецкий, музыкант, кинулся к своим вещам и вытащил трубу, Палыга Броник — кларнет, немец Люцус — флейту, совсем юный Штебарт Людвиг — тенор, Сабинский Юзик — скрипку, сестры Штраух — с гитарами. Музыканты, которые никогда не были вместе, заиграли, да еще как заиграли! А музыканты подходили и подходили... Балалайки, бубны... Немцы, поляки народ музыкальный... Над дикой степью зазвучала музыка европейская, за тысячелетия — в первый раз! Взвились в небо степные птички, попрятались в норы суслики, умолкли кузнечики, а кони всадников, в жизни не слышавшие таких звуков, дико выкатили глаза, заржали, поднялись на дыбы и понеслись в степь. Не помогла железная узда, натянутая струной сильными, стальными мышцами рук степняков, до крови рвущая губы, ни огнем обжигающая уши качма. Музыканты испуганно стихли. А ссыльным музыка понравилась. «Bitte spiel noch, noch ein mal!» — пожалуйста играйте, играйте... сыграйте еще раз, — просили немцы. Прозвучала музыка, не Шопена и не Шуберта, а всего-навсего военный марш «Тоска по родине». Прекрасная, останавливающая кровь в жилах польская мелодия в обработке композитора, офицера царской армии Агапкина. Так получилось, что этот марш сопровождал меня всю мою жизнь. Под этот марш шли мы на сельские общие собрания, под этот марш парни водили своих невест в сельский совет расписываться о заключении законного брака, мелодия эта, сопровождаемая плачем мамы и сестер, звучала, когда мы с родным братом Владиславом шли на службу в Советскую Армию, когда в Москве «рубил строевым шагом» на плацу сержантской школы, потом в войсковых частях на Украине, в городе Ташкенте, столице Узбекистана.

Вернемся на Абдельман. Люди просили сыграть еще раз. Музыканты посоветовались, Броник Свидерский взмахнул раструбом инструмента, и полилась мелодия старинного, прекрасного вальса «Беженка». Боже! Что это за музыка! Спецпереселенцы начали танцевать. Разве усидишь под такие чарующие звуки? Надо иметь каменное сердце! Кружились в танцевальном вихре женщины, мужчины, молодежь, дети, даже старики! Танцевали немцы, поляки, чехи! Танцевали и плакали... Этот вальс они танцевали на оставленной Украине, в польских, украинских селах и немецких колониях, плакали от перенесенных страданий, плакали от того, что остались живы... Музыка, как наркотик, помогает забыть о боли, о несправедливости, раздирающей душу, о смерти. Так зародился наш сельский самодеятельный духовой оркестр, который существовал до смерти Б.Свидерского. А вот ему уже некому было сыграть траурный марш «Мы жертвою пали»...

А на Абдельмане людей мучает жажда, хочется пить. Воды нет. Со стороны аула Караузек показались диковинные животные, два горба, между ними сидит человек! Ссылные пооткрывали рты. За верблюдами возы с бочками! Воду везут! Как же залезть на такое высокое животное? Окружили гостей плотным кольцом! Верблюд на кого-то плюнул. Мальчишек привел в восторг! Вода разошлась в мгновение ока. Кочевники раздали лепешки и уехали. Спасибо вам, добрые люди! Спасибо и тем, кто вас направил!

Закончился первый день ссылки. Вечереет. Засыпает все вокруг. Ветер утихает. Засыпает ровная, как стол, степь. Не могут заснуть голодные дети. Плачут. Над ними «колдуют» измученные женщины. Кашляют простуженные, грызут комары, везде залезают муравьи. Целую ночь выли волки, шумели совы и шуршали летучие мыши. Молодежь не спала, караулила до утра.

25 июня. Второй день ссылки. В четыре часа уже рассветает. Видно, как с самого края земли поднимается ранняя заря, постепенно заливающая небо и землю розовой краской. Поднимаются в небо жаворонки, заполняющие все вокруг своим чарующим пением. Какой прекрасный мир сотворен тобой, Господи! Спасибо тебе за это. Ты не виноват, что на свете так много злых людей! Пять часов. Взрослые уже не спят. Да и

спали ли они вообще? Укутывают детей, ослабевших и бледных. Не могут понять, из-за чего столько несправедливости и столько зла люди приносят людям! Для чего эти бедные дети вынуждены лежать не в теплых постелях, а в сырой траве, под открытым небом! Что с ними будет? Как их спасти?

Между тем появился покойник. Не выдержала собачьей жизни доченька Бронислава Свидаерского. Не было больницы, не было врача. Ребенок это знал и не просил помощи. Ушла тихо. Угасла, как свеча, в чужом краю, в норе, под грязной дырявой палаткой. Немец Горн Густав из чего-то сколотил гробик. Справили божьи старушки молебен. Спи спокойно, девочка. Там, на небесах, пусть тебя опекает Матерь Божья. Похоронили в степи, сразу же за палатками. Сотням спецпереселенцев она первая показала путь в вечность.

27 июня родился Рыске Густав, первый и последний ребенок поселка Абдельман. Вскоре поселок Абдельман был переименован в село им. Горького.

Давайте посмотрим, как на эти события смотрел выпускник Омского строительного техникума, русский, комсомолец, направленный после окончания учебы на строительство нашего поселка. Более объективно и правдоподобно вряд ли кто опишет. Долго я искал его записи и спрашивал у упомянутой выше Марии Крафт (Миллер). Перерыл домашний архив своего шурина, бывшего главы администрации села Александра Мухарского, говорил с учителями школы, с директором, строгим администратором и в то же время прекрасной женщиной Татьяной Николаевной Борецкой, и расспросы привели меня к бывшему завучу школы Станиславе Тимофеевне Галимской, дальней родственнице. Как я раньше описывал, моя бабушка со стороны отца из рода тех самых Галимских. Без труда она находит нужную нам папку и говорит: «Никому бы не отдала, а вам, Леон, вручаю, потому что уважаю». Спасибо, спасибо, пани Стася, обещаю вернуть в целостности и сохранности. Знаю, попадись она не вам, а другому, может быть, не нашли бы ее вообще.

Итак, читаем:

«4 февраля 1965 года. Здравствуй, Володя! (Поясняю: Володя — это Владимир Адольфович Верещинский, в 1965 председатель сельского совета, какие были люди! — Л.К.). Получил от тебя письмо. Ты просил описать историю села Горькое. Если бы я знал, что мне когда-нибудь придется писать об этом, я бы постарался еще тогда вести дневник, в котором записывал бы все события, фамилии хороших людей, которые строили этот поселок. С тех пор прошло 29 лет. О селе Горькое и о других таких же селах, которые строились в то же время, можно написать книгу. Может, кто-нибудь когда-нибудь и напишет... Вот сижу и думаю, как это все было. Май 1936 года. Выпускной вечер в строительном техникуме г. Омска, который я окончил. Присутствует представитель НКВД. Вместе с директором и партгором техникума присматриваются к каждому выпускнику. На следующий день нас собрали и зачитали список выпускников, которые должны ехать на строительство социалистических поселков, на освоение новых земель. В этот список попал и я, Леонид Перов. В техникуме мы изучали металлические, бетонные конструкции, и когда узнали, что придется строить из самана, то многие товарищи над нами посмеивались. Ничего смешного. Мы были комсомольцы, куда партия и правительство пошлет, туда и поедем и с гордостью свой долг выполним до конца. Лично я ехал на эту работу с удовольствием. В конце мая месяца я с одним товарищем (он работал в поселке Степное) приехали на станцию Таинча в кузове. Проливной дождь. У товарища байковое одеяло, у меня ничего... вымокли с головы до ног. Приехали в село с названием "Юденич", потом переименованное в село Красная Поляна... В этом селе было установлено много брезентовых палаток, в которых были размещены приезжие люди, и нам разъяснили, что это спецпереселенцы, привезенные в Казахстан для освоения новых земель, и что они сами для себя будут строить "социалистический поселок". Были это поляки, немцы, украинцы, грамотные, культурные люди. Много хорошего они привезли в эти места. Культуру, музыку.

Здесь мы и получили назначение, кто куда... Мне сказали, что я поеду строить поселок Абдыльман. В начале июня мы погрузились в грузовую машину. С нами продукты, необходимый инструмент на первое время и самое главное — брезентовая палатка. Человек шесть нас поехало: двое рабочих, двое из районной администрации, Петр Игнатьевич Працько и я. С Петром Игнатьевичем в этот день я впервые познакомился. Я прораб по строительству, он комендант — начальник строительства поселка Абдыльман. На нем зеленая фуражка с красной звездочкой, защитная гимнастерка и брюки, сапоги, на боку револьвер. Не помню, сколько часов мы ехали, но где-то под вечер остановились прямо в степи. Кто-то воткнул в землю красный флаг и сказал, что здесь будет построен поселок. Правда, здесь был старый, полуразрушенный, зеленый от плесени колодец. Кто-то сказал, что в этих местах раньше кочевал казахский бай по имени Абдыльман, был очень богатый, имел тысячи голов скота... Натянули палатку и после многих разговоров и размышлений легли отдохнуть...

30 апреля 1965 продолжаю писать историю поселка. На следующий день мы с Петром Игнатьевичем решили сделать рекогносцировку местности. Т.е. посмотреть, что нас окружает. До самого вечера ходили. Местность неровная, имеются ложбины, в которых сохранилась вода. Значит, ею можно пользоваться для изготовления самана. Наткнулись на старые казахские разрушенные зимовки, которые когда-то были сделаны из саманного кирпича. Попробовали сломать, прочные. Говорили, что если построить из такого саманного кирпича дом, будет стоять 400 лет.

Продукты нам привозили, пищу готовили на костре. Ездили в Петропавловск в областное земельное управление, где знакомились с чертежами и методами строительства. Петр Игнатьевич ездил по аулам, договаривался о приобретении соломы. В селе Литовочное (20 км) была районная комендатура. Старший — Королев. Там же была и районная администрация. В селах Литовочное и Подлесное, тоже переселенческих, строительство уже шло полным ходом, мы набирались опыта. Во второй половине июня к нам приезжают из райкомендатуры и сообщают, что ночью нужно организовать прием людей, которые будут на машинах прибывать из Таинчи (это примерно 70 км от нас). Мы с Петром Игнатьевичем не ложились спать. С самого вечера все смотрели в сторону Таинчи. В середине ночи вдали появилась масса движущихся прожекторов. В то время для меня, молодого и еще неопытного, как-то было страшно. Едут сотни людей, в том числе дети, женщины, старики, которых нужно встретить, устроить. Обязанность большая, огромная ответственность. А прожекторы все ближе и ближе. Вот останавливается одна, вторая, третья и т.д. машины. Люди сходят с автомашин, почему-то в недоумении, недовольные, многие не верят, что именно здесь, в темной и голой степи, конец их пути. Возмущаются и, убедившись, что это именно так, падают на землю, заливаются горькими слезами. Но что можем сделать мы? Наша основная задача — большое терпение. Спокойно и понятно разъяснять людям, успокоить их, помочь. А машины все подходят и подходят. Не помню, сколько их было, около сотни или больше ста... Я представляю, как людям было тяжело уезжать из своих собственных домов, из родного края, где они выросли, и вот... Приехать в такую даль, на пустое место, где все начинать надо с нуля.

...Прислали нам бригаду рабочих из Караганды для строительства временных палаток. Это были тоже спецпереселенцы, иначе говоря, они были раскулачены и сосланы. С помощью этой бригады мы сумели очистить старый колодец, а также установить несколько палаток из брезента. Сколько палаток, я не помню. Они были длинные, наверное, метров 10-12... Когда нам привезли первый пиломатериал со станции Таинча, мы построили: 1) небольшую баню из горбыля, 2) временное помещение под ларек...

Люди стали размещаться в палатках сами. Кому и где удобно и лучше. Когда заходишь в палатку, то с обеих сторон располагались люди со своим имуществом, а посередине оставили проход. Некоторые имели кровати».

Следующее письмо прораба Перова датируется 19 мая 1965 года.

«...Не помню, с какого числа и согласно какого документа поселок Абдыльман стал называться поселком Горькое. Помню одно: как только умер пролетарский писатель А.М.Горький, мы сразу с Петром Игнатьевичем решили твердо, что наш поселок будет Горькое. Об этом заявили в комендатуру. Нам пошли навстречу, и таким образом поселок стал Горькое. В прошлом письме я описывал, как мы встречали будущих жителей и разместили по палаткам. Люди были недовольны. Кроме того, почему-то в то время происходили частые ссоры между поляками и немцами. Находились такие смельчаки, которые приходили к нам и открыто заявляли, что, если нас не отделите, будет война и кого-то не будет, либо немцев, либо поляков. Мы с Петром Игнатьевичем верили, что это временное явление, построятся поселок, и будут жить дружно. Надеюсь, что так и вышло...

По-прежнему не было воды. Колодец, который мы очистили, воды давал мало... Помню, возле колодца выстраивалась длинная очередь людей с ведрами. Я крутил ворот, а Петр Игнатьевич (комендант) на каждую семью выдавал в ведре чуть-чуть. Что делать? Был у нас медицинский фельдшер — мужчина. Посадили мы его в телегу и поехали к ближайшей ложбине, где было много воды. Помню, как я набрал этой воды в носовой платок, а там водяные букашки, маленькие и чуть побольше, желтые, черные, зеленые головастики. Фельдшер посмотрел и сказал: "Если процедить и вскипятить — то пить можно". Так пришлось и делать. Одновременно организовали рытье нового колодца. На работу спецпереселенцы шли неохотно. Кто-то пустил слух, что зачем строить, зима подойдет, тогда расселять их будут по старым селам, уже существующим: Обуховка, Драгомировка, Иван-город и т.д., были случаи умышленного поджога степи. Огонь доходил до палаток. Тушить пожар выходило мало людей. Остальные сидели на узлах в ожидании своей гибели. Пришлось вызывать трактор и плугом опаживать вокруг палаток. Вот тут бы мне хотелось перечислить тех людей, кто первым из жителей взял в руки лопату, пилу, топор и вышел на работу и своим личным примером увлек за собой других. Прошло 29 лет, я очень сожалею, что не смогу назвать всех. Это были Густав Битнер, Слободянюк, Янык Поплавский, Юнг, Финк, Миллер и его жена Лодзинская. Забыл фамилию одного немца, он был первым нашим бухгалтером, а его сын — табельщиком (кажется, его сына звали Людвиг). Нашим первым возчиком был Галимский, старый. Пусть мне простят те, кого не назвал. Многих помню в лицо, но фамилии забыл...

В июне прошли дожди. Те, кто еще сидел на узлах, поняли, что поселок строить нужно самим, не зимовать же в палатках. Так мало помалу "повалили" на стройку. Организовались бригады, кто в какую и с кем хотел. Я очень благодарен тем, кто первым вышел на стройку. Нужно было работать физически, а перед и после работы они в качестве агитаторов проводили разъяснительную работу. Такие достойны благодарности и наград...»

Следует отметить, что районное начальство, комендант, прораб, прислушались к мнению спецпереселенцев, они предложили поселок строить на два километра ниже, среди ложбин, где лучше земля под огороды, грунтовые воды ближе и вода в некоторых ложбинах сохраняется даже в засуху.

Настало время организовывать колхоз

На общем собрании решили, что колхоз будет называться «Имени 1 мая». Приняли Устав сельхозартели, избрали правление колхоза и председателя. Им стал Густав Эмильевич Битнер, бухгалтером — Людвиг Юльевич Финке, председателем сельского совета — Адам Сергеевич Слабоденюк, секретарь — Юлиус Данилович Радецкий. Избрали бригадиров по строительству: Иосиф Мартынович Крафт, Густав

Яковлевич Аух, Ипполит Рутковский, Адольф Иосифович Шварцберг. Принимали заявления от спецпереселенцев о вступлении в колхоз. Многие и здесь не хотели вступать в колхоз, но впоследствии они вступили, потому что ни со стороны государства, ни со стороны колхоза поддержки никакой не получали.

Следующее письмо прораба Петрова — от 18 июня 1965 года.

«...Точно не помню, сколько объектов нужно было построить, примерно 150 двухквартирных домов и 50 общественных и хозяйственных. В том числе: школа, акушерско-фельдшерский пункт, комендатура, детский сад-ясли, магазин, пекарня, баня, мельница, конюшня, коровники, овчарня, свинарник, телятник, ветеринарный пункт...

Для постройки нужен саманный кирпич. Начали делать, сначала шел брак. Постепенно дело стало налаживаться...»

Я не стану описывать технологию изготовления кирпичного самана. Из него дома сейчас на селах уже никто не строит. Это тяжелая, изнурительная работа. Замешенное в ямах болото с соломой руками закладывается в формы, утаптывается, затем переворачивается, сушится в штабелях. Работа выполняется голыми руками, перчаток в помине не было. Работали все: мужчины, женщины, старики, дети... «Дома росли как грибы, — пишет прораб. — Не успевали делать разбивку домов... Я не помню, чтобы на строительстве устанавливали строгий рабочий день, работали с утра до темноты... Народ творческий, поступало много ценных рационализаторских предложений, которые тут же претворялись в жизнь, облегчая тяжелый труд, сокращая время, быстрее шла работа».

На этом рассказы прораба заканчиваются.

В этом же году, в сентябре, прибывает второй этап спецпереселенцев из Житомирской области, Емельчинского и Мархлевского районов. В их числе: Карпинские, Мельницкие, Мышаковские, Туровские, Кондрацкие, Бахуринские, Багинские, Лисовские, Лусовские, Жигады, Гонгало, Мисюна, Колосович и другие. Их расселили в уже готовые домики, разделенные стеной наполовину, 18 м² каждая. В каждую квартиру поселили по 10-12 человек. Кровати ставили в два яруса.

К зиме первая половина поселка, до магазина, уже была построена.

С образованием колхоза стал поступать общественный скот. Одновременно со строительством велась заготовка кормов для личного и колхозного скота. В степи косили ковыль. Кто хоть немного разбирается в крестьянском труде, тот поверит, какая титаническая работа была проведена этими несчастными людьми! Что значит, например, косой косить ковыль. Его можно скосить только рано утром, как говорится, чуть свет, по росе. И люди еще затемно вставали и шли в степь.

Наступила осень. Спецпереселенцы торопились. Из объектов первыми были построены магазин, хлебопекарня, школа (начальная — 4 класса). Первый директор школы — Соболевский. Первые учителя: Янык Поплавский, Казимир Иосифович Мельницкий, Раиса Даминовна Весельская-Колосович. После Соболевского директором стал Николай Иванович Ким, затем Виталий Станиславович Лисовский.

Построили коровники на 40 голов, конюшни на 50 лошадей, овчарню из дерна, контору колхоза, сельский совет, комендатуру, шестиквартирное общежитие, медицинский пункт. Первый фельдшер — Клавдия Перова, после нее — Елизавета Дмитриева. А бессменной санитаркой 30 лет проработала Леня Красуцкая. Построили шесть рядов домиков. Сняли палатки и переселились в них. А на том месте, где хоронили первых умерших, образовалось кладбище. Далековато от села, где-то два километра. С этого времени слово «Абдельман» стало ассоциироваться с местом переселения в иной мир. Где такой-то спецпереселенец? «Отвезли на Абдельман». Значит, нет человека.

А село жило своими делами, заботами. Потихоньку стало выдавать сельхозпродукцию государству.

Крыша над головой

Выделили и нашей семье половину землянки, площадью 18 м², с одним окном на улицу. Хотели к нам подселить еще одну семью, но никто идти на подселение к нам не хотел, в такую тесноту. И без подселения нас насчитывалось шесть человек. Другую половину, через стену, занял Юзик Кондрацкий, тоже многодетный, тоже из Малой Радогощи. Крыша дома была такая: на саманные стены ложились лаги, на лаги доски, на доски солома, она играла роль утеплителя. На солому настилалась земля и трамбовалась. Что думал проектировщик? Его бы в эту землянку! Хороший дождь — и внутри потоп! Спасаясь от дождей, стали на крыше делать стяжку из болота. Когда засыхало, хватало на 2-3 хороших дождя. Лепнянки не имели фундамента, стены ложились прямо на грунт. Вокруг по земле уже сами заселенные, чтобы не подтекала под стены вода, делали порожек в один саман и облепляли болотом, затем замазывали разведенным коровьим пометом, «коровянкой». Этот порожек называли по-украински — «прысьба». Летом садились на нее, чтобы поговорить, служила скамейкой. Внутри землянки проектировщик деревянные полы не предусмотрел. Утопанный грунт смазывали «коровянкой». Внутри и снаружи стены красили белой глиной, которую копали в километрах четырех от села по дороге на Келлеровку. Стены после нее были снежно-белые, но очень пачкались. Снаружи дождь ее быстро смывал. С улицы заходишь в сенцы, затем в жилую комнату. Справа от входа отец сам поставил печь. Оказывается, он был еще и превосходным печником. Печи, которые он «муровал», стоят до сих пор, а это 50-60 лет! Кирпич для печей он формовал сам. Его печи не громоздкие, с превосходной тягой, и они отлично грели при минимальном расходе топлива. А топили соломой и кизяком. Дров не было. Для нас он поставил печь с лежанкой размером 1,5х1,5 м. Это было спасение наше от холода. На ней мы лечились от простуды. Если затопить печь, горячий дым, вырываясь в «комын» — в трубу, проходит под лежанкой и нагревает ее. Слева от входа стоял небольшой столик, сделанный самим отцом, с выдвижными полками (шुфлядами), где отец хранил весь сапожный инструмент, которым он после работы чинил обувь вечерами и ночами. Далее, слева, стояла деревянная кровать отца и мамы. Под окном стоял стол. Справа, за столом, стояла вторая деревянная кровать, на которой спала вся детвора. Располагались на ней «валетом». Кровати заполнялись соломой. Сверху солома покрывалась простыней. В кроватях заводились клопы, вши, блохи. Особенно донимали клопы отца. Он, бедный, чесался целую ночь. От их укусов тело покрывалось волдырями. Мыла не было в помине. Мама что-то наподобие мыла варила из золы, но оно, рукотворное, дезинфицирующих свойств не имело. Одежда, белье перед стиркой долго кипятились. Между кроватью и печкой, справа, стоял «куфэр» — сундук. Когда его открывали, играла музыка. За сундуком стоял «kolowrotok» — прялка. Последние два предмета были изготовлены еще в Польше.

Грамотей-проектировщик не предусмотрел помещения для содержания коровы. Спецпереселенцы сами достраивали хлев из дерна. Мышь не дура, холодной сырой осенью она перебралась из степи в теплые стены, особенно она облюбовала дерновые. Что только там не водилось: крысы, мыши, какой только ни хочешь масти — черные, серые, коричневые, рябые. Жиреющих на глазах котов от них уже тошнило. Свирепые крысы кидались на котов. Не всякий кот еще мог справиться с ними. Если кот умный, он нападал на эту гадкую тварь сзади и острыми когтями и зубами вгрызался ей в загривок. Крыса визжала и отчаянно сопротивлялась. Мы, мальчишки, услышав знакомый визг, спешили смотреть, как идет борьба не на жизнь, а на смерть. Кот-победитель противное мясо крысы не ел, а отгрызал ей голову. Такие коты у нас, голодранцев, пользовались большим уважением. Отрывая от себя, мы победителей

поили заслуженным в бою молочком. Мыши прогрызали даже потолок над нашими кроватями. Раз смотрим — и упала на голову мышь через проделанную в потолке дырку.

Стены домиков под тяжестью земляных крыш садились, штукатурка из болота трескалась и отдувалась. Постоянно нужно было ремонтировать. Комсомолец-прораб Перов пишет, что такие дома могут стоять 400 лет. Может и правда, если соблюдать технологию изготовления самана. Лепить его не из чернозема, а из глины. Главное, чтобы в стены влага не проникала. А ведь все делалось впервые и на скорую руку.

Электричества не было. Оно появилось у спецпереселенцев только через 20 лет! Какая это была радость! Школа, дома освещались керосиновыми лампами, семилинейными и десятилинейными. Но они расходовали много керосина. Для экономии делали маленькие лампадки «слепаки» (от слова слепнуть). Бралась бутылочка, обычно где-то на 20 грамм керосина, в пятикопеечной монете делалась дырочка, туда вставлялась трубка из жести, в нее втягивали фитиль из тряпки, фитиль помещали в бутылочку, он быстро намокал и пропитывался керосином, и его поджигали. При таком сильно коптящем свете мы на печи читали, и еще как читали, запоем! Родители нас гоняли, отнимали эти коптилки, вынуждали спать. Вспоминаю и думаю: «Как эти глаза до сих пор еще видят?» У многих портилось зрение.

Чернил не было. Писали разведенной сажей на кусках газеты. Кто что найдет. Вот в таких, примерно, условиях оказались потомки славной польской шляхты, которая в былые времена так же хорошо воевала, как и растила хлеб.

На таком же положении были и трудолюбивые немецкие колонисты.

Попирая элементарные нормы прав человека, советская власть на этих безвинных людей наложила следующие «ограничения».

Лишались свободы передвижения. По этой причине дети не имели возможности учиться в техникумах и ВУЗах.

Лишались избирательных прав.

Дети спецпереселенцев не призывались в Советскую Армию.

Запрещалось справлять религиозные обряды. Коммунисты изобрели свою религию — марксизм-ленинизм.

Соседи

С левой стороны от «сталинки», в которой жили мы и семья Кондрацких, проживали пожилые немцы Адольф Айхорст с супругой, он работал потом завтоком в колхозе. Через много лет с его внуком Густавом мы нашли отчеты о поступившем и отгруженном с тока зерне. Мы обалдели. В музей бы их сейчас выставить! Буква к букве. Цифра к цифре. Ни одного исправления, ни одной поправки! Как будто на пишущей машинке отпечатано! Вот это да!

В другой половине «сталинки» жил родной брат председателя колхоза Гайнрих Битнер с супругой Фридой. Была, видать, Фрида из очень богатой семьи. Жила в Гамбурге. На фото — в дорогой белой широкополой шляпе, в роскошном, до самой земли, белом платье. Прибыли в Казахстан с тремя детьми. Здесь господь посылал им детей почти ежегодно. Она чем-то напоминала героиню фильма «Тени исчезают в полдень» Пистимею Макаровну. Никогда не улыбалась, с детьми была сурова, ни с кем не общалась, дальше подворья своего не выходила. Привезла с собой ножную швейную машинку «Зингер» — большая роскошь! После войны, при заготовке леса, Гайнрих погиб. Вся тяжесть по обеспечению семьи легла на старших детей — Густава, Ванду и Вальдемара. Их сестра, моя одногодка, Валя, красавица с тяжкой судьбой, умерла недавно в Гамбурге. Царство ей небесное! Младшие дети, после Валентины, росли необычайно закаленными. Весной еще лед под водой, а они босые бегают по

ней, плещутся. Никогда не болели. Конечно, своей тяжелой долей немка была недовольна. Я сам слышал, как она со стоном выговаривала «Farfluchten land» («Проклятая страна»).

Напротив нас, через улицу, жил Крафт Эдвард с женой Матильдой и детьми: Адольфом и Бертольдом. У них был большой немецкий сепаратор на ведро молока сразу, с ручным приводом. После каждого оборота он коротко звонил «дзинь». Вся улица к ним ходила перегонять молоко. Во дворе у них был колодец, глубиной восемь метров. Вода в нем была солоноватая, но ее пили, на ней готовили, стирали, ибо другой не было. Примечательно, что от нее никогда не болело горло, даже если выпьешь ее со льдом и в сорокаградусный мороз. Через стенку с ними проживал Эмиль Райнгард, родной брат Матильды с супругой Линдой. У них были дети: Адина, Эля, Оля, Бэрта, Адольф. Обе семьи — прекраснейшие люди! Они для нас были больше чем родственники!

На нашем ряду справа жила семья Лисовских: Станислав, Броня и их дети. Отец работал зав. молочной фермой. Умные родители, хорошие дети: Стася, Леня, Толик. Мои друзья, вместе выросли. Напротив них, через дорогу, проживал Эмиль Шмитке с женой Фанкой. Эмиль до депортации служил в Красной Армии, в кавалерии, воевал в Средней Азии с басмачами. Пулеметчик, первый номер станкового пулемета «Максим». Не учли его боевые заслуги в НКВД, под общую гребенку попал.

Далее, в сторону колхозного двора, жил Гавлацкий с женой Ельжбетой и сыном Люсе, которого в селе любили все за его юмор. За ним жила семья Егера Райнольда, ветеринара, у них были две дочери-красавицы: Бэрта и Мильча, подружки моих сестер. На нашей улице также жила семья Рыхерт. У них были дети: Эдвард, Фридрих, Дына, Роберт, мой друг детства. Забыл, у кавалериста Шмитке были дети Адольф, Роман и Эльза. Роман — самый близкий друг детства. Жили близко от нас Башинские, Галяшинские, Лусовские, Зелинские. В первую «сталинку» со стороны площади заселилась семья Гомдт.

Село получилось компактное. Домики строились друг от друга на расстоянии не более 20 метров. С расчетом, что если комендант выйдет и глянет, все чтобы были как на ладони. Спецпереселенцы жили между собой спокойно, связанные одной горькой судьбой.

Jakie życie, taki zgon... Какая жизнь, такая и смерть...*

Климатические и материальные условия, в которых оказались спецпереселенцы, были необычайно трудными. «Сталинки» годились как жилье только летом. Зимой в них было холодно. Стены внутри покрывал лед. После бурана вообще из нее невозможно было выйти, задувало снегом. В стенах заводились грызуны. Болели дети, да и взрослые тоже. Смерть посещала каждую семью спецпереселенцев. Страшная беда подкрадывалась и к нашей семье. Заболели мои братья: Вацлав в возрасте семи лет и Болеслав — полтора годика. Их так назвали родители в честь выброшенных в Белое море энквэдэшниками родных братьев мамы. Они были светловолосые, кудрявые, как их погибшие дядя. Вацлав заболел водянкой. Его маленькое измученное тельце наполнялось какой-то жидкостью. Дите умирало в муках. Отец побежал в медпункт. Фельдшер, женщина, дверь не открыла и сказала: «Отойди, у меня рабочее время окончено», — а проживала она в этом же самом помещении, в котором находился медпункт. Отец продолжал стучать, она не открывала. В коридорчике стояла корзина, в ней лежали дрова, а наверху топор. Отец схватил топор и рубанул им по дверям. Прибежал комендант, навел на него револьвер, вырвал из трясущихся рук отца топор и почти раздетого повез в Келлеровку и сдал в милицию. Дежуривший следователь спросил у коменданта: «Где вещественное доказательство, топор, под суд его сдадим».

* Слова из польской песни.

Комендант в ответ: «Под суд не надо, хватит ему 15 суток, у него четверо детей, все больные, все помрут».

Перед смертью маленький Вацлав прошептал: «Mamusiu, ja na pewno niediugo umre I pójde do nieba I tam uproszę żeby Tata wypuścili z kryminań i żebyście wszyscy wrócili do Polski...» («Мамочка, я скоро умру и пойду на небо, а там попрошу чтобы отца выпустили из тюрьмы и чтобы вы все вернулись в Польшу...»). Над умирающим собрались соседи: Кондрацкие, Крафты, Лисовские. Родственники. С потертых молитвенников, которые достались им еще от бабушек и дедушек, молились: «Otwórz mi bramę życia wiecznego i dozwól ze świętymi Twoimi radować się w chwale wiecznej...» («Открой перед нами ворота вечной жизни и позволь ему со святыми твоими радоваться хвалой вечной...»). А бедный страдалец жаловался на боли в животике. Держась ручками за раздутый живот, катался по кровати, потом просился на земляной пол. Несчастливая мать рыдала, ломая руки, испуганно хныкали больные сестрички Валя и Стася. Притих в люльке маленький Болеслав. Вдруг внутри, в брюшке Вацлава как будто что-то треснуло и полилась с него красная жидкость... Успокоился навеки маленький мученик. Собравшиеся запели: «Porzuciła dusza ciało...» («Оставила душа тело...»). Добрые Райнгард и Крафт, из чего нашли, сколотили гробик. Похоронили на Абдельмане. В это время арестованный на 15 суток отец носил камни в Келлеровке под фундамент строящегося здания в самом центре. Подъехал на двухконке начальник района. «За что сидишь, Креницкий? Знаю, что в колхозе хорошо трудился». Отец рассказал свою историю. На другой день его выпустили.

Беда на этом не оставила нашу семью. Состояние здоровья Болеслава ухудшалось с каждым днем. Опять в его измученном теле поднялась высокая температура. Мучил кашель, задыхался. Вспомнили, что дите некрещеное. Пришла Францишка Креницкая, на Украине работала при костеле... «Я тебя крещу во имя отца и сына и духа святого...» Стоящие возле нее погрузились в чтение «Верую...» После смерти Вацлава прошло два месяца, и не стало Болеслава. На похоронах немец Миллер Фридрих сказал по-польски: «Эти дети жили так мало, зато перенесли столько страданий...» Обезумевшая от горя мама еще долго рвала на себе волосы. «Не плачь, Хэлю, — успокаивал ее отец, — на все воля Божья... Самое дорогое, что у них было, отдали этой чужой земле и сказали Богу: "Будь воля Твоя как в небе, так и на земле..."»

Еще долго несчастной маме казалось, если она находилась в хате, что сыновья зовут ее с улицы: «Мамо!», а если она находилась во дворе — что они зовут ее из хаты. Было четверо детей, а осталось двое.

Часто на могилки умерших ходил с мамой лучший друг Вацлава — Бертольд Крафт (вместе хорошо играли). Молились над свежими холмиками из сырой земли и мысленно зажигали свечи, ибо взять их было негде в этом пустынном, безжалостном краю. Пусть небесные светила светят вам вечно! Позже отец посадил в их изголовьях две сосенки. Прошло столько лет, и они стали огромными. В их крепкие стволы перешел прах крохотных тел, а души переселились на небо, потому что греха в их жизни не было. Сколько раз я видел при посещении их могил, как под этими соснами играют зайцы. Это ангелы спускаются к ним с небес...

Ну а дальше была война, трудармия, рабский труд, перестройка, гибель коммунизма и колхозного строя. Что создавалось с таким трудом, политики развалили.

Анатолий Гриб

Я родился в 1966 году, детство провел на юге Киргизии, в городе Узген. В семье было четверо детей, из которых я младший. Моя мама — Гриб Вера Игнатьевна — состояла в гражданском браке с моим отцом, которого я не помню. Всю заботу о детях мама несла на своих плечах. Она не владела грамотой, постоянно трудилась, зачастую работала на две ставки. В нашей семье поддерживались строжайший порядок и чистота. Этим мы сильно отличались от жителей провинциального среднеазиатского городка.

В доме всегда отмечали все религиозные праздники. Иконы с ликами святых висели в нашем доме, несмотря на проводимую атеистическую пропаганду правительства того времени. Помню, очень стеснялся того, что мама посещает церковь, а в доме висят иконы. В нашей семье был очень скромный достаток, но в противовес ему — бережливость и аккуратность во всем. По рассказам моих старших сестер, когда впервые на экранах советского телевидения транслировали польский фильм «Четыре танкиста и собака» по одноименной повести Януша Пшимановского, мама словно расцветала. Она понимала польскую речь главных героев, не дожидаясь перевода на русский язык. Позже мама, словно скинув незримые оковы, стала рассказывать нам о своем прошлом, которого мы не знали. Это были сбивчивые рассказы о ее далекой Родине, отце, маме и младших сестрах.

Она рассказывала о каких-то лесах, большом доме, военных, нагрянувших среди ночи, железной дороге и вагонах, забитых людьми. Где-то логическая цепочка ее рассказов обрывалась, но мы вновь и вновь просили маму делиться воспоминаниями. Она стала называть имена: отца — Игнатий, мамы — Зося (либо София), сестер — Нина, Лида, Елена и Татьяна. Но больше всего нас поразило то, что мама, по ее утверждению, родилась в Польше в семье польского лесника. По документам (свидетельству о рождении и паспорту) она была русская, и местом рождения указан город Узген Киргизской ССР. Она говорила о холодных бараках, в которых проживали поляки, о голоде и постоянном страхе.

Мама рассказала, что к концу 1941 года она со своей семьей длительное время ехала в железнодорожном эшелоне. По пути следования эшелона были случаи смерти среди пассажиров, которых попросту выкидывали из вагонов. Не хватало еды, воды, лекарств для больных, свирепствовала полная антисанитария. Беда не прошла стороной. На подъезде к границам Средней Азии заболела и мама. Это был тиф. Предположительно в Ташкенте ее, полуживую, отец на руках доставил в больницу. Эшелон убыл, и он вынужден был следовать за ним. Там, в вагоне, остались жена и четыре дочки, которым нужна была его помощь. Мама не помнит, сколько времени находилась в больнице. Чудом выжив, она без вещей и документов, побритая наголо, не зная русского и местного языка, оказалась в совершенно незнакомой ей стране. Тиф не прошел бесследно — была частичная потеря памяти. В поисках своей семьи она оказывается в городе Узген. Шла война, чтобы выжить, необходимо было работать. Какая-то азиатская семья приютила польскую девушку. Вскоре выправили и новые документы, в которых год рождения был изменен с 1926-го на 1928-й. В этих же документах изменили место рождения и национальность.

Длительное время мама жила в страхе разоблачения и не говорила на родном — польском языке. С начала семидесятых годов в СССР повеяло оттепелью. Мы узнали о прошлом мамы и пытались найти ее родных. Более двадцати лет писали в Москву, в «Бюллетень розыска родных», в Ташкент и в другие архивы. Но нигде не находили следов маминых родных. В последние годы жизни у мамы часто были нервные срывы. Она понимала, что матери и отца нет в живых, но всем сердцем верила, что живы ее четыре младшие сестры.

25 апреля 2012 года мама умерла на 86-м году жизни. До последней минуты мама ждала долгожданной встречи с сестрами. Она похоронена в селе Лысогорка Ростовской области. После смерти мамы прошло почти шесть лет. Моя сестра, Ирискина Татьяна Анатольевна, проживающая в городе Калининград, в интернете оставила воспоминания о маме. Через день к ней по интернету обратилась женщина, проживающая в Москве. Эта женщина (Марина Садлуцкая) обратила внимание на совпадение наших фактов, имен и фамилий с информацией, оставленной на сайте неким Jerzy Gruszkiewicz, проживающим в Англии. Далее, при огромной поддержке незнакомой нам Марины Садлуцкой, была проведена колоссальная работа по вскрытию и изучению сайтов и архивов, проверки информации человека из Англии. Как не верить в Бога, если произошло чудо! Оказалось, что Jerzy Gruszkiewicz — сын Janiny Gruszkiewicz (Нины). А девичья фамилия Нины — Grzyb (Гриб), и она младшая сестра моей мамы. И он

оставлял информацию о поиске своей тети Weroniki Grzyb (Вероники Гриб), т.е. моей мамы. Дальнейшие события развивались как вихрь. Оказалось, что живы три сестры моей мамы: Нина (Janina), Лида (Leokadia) и Татьяна (Teresa). Четвертая сестра — Елена (Helena) умерла в Варшаве. Наша встреча с сестрами нашей мамы произошла в Польше 26 августа 2017 года в городе Нидзица. Невозможно словами выразить радость и эмоции, переполнявшие нас. Это была встреча со слезами и радостью на глазах. Встреча, которую наши тети ждали 75 лет! Очень много информации я получил у своей тети Лиды — Wilarska (Grzyb) Leokadia. Она по образованию филолог, проживает в городе Вроцлав. С ее слов постараюсь изложить весь трагический путь семьи в хронологическом порядке.

Отставной офицер Войска Польского Игнаций Гриб с супругой Софией Клапоч проживали в деревне Синкевичи недалеко от районного центра Лунинецк. Это была восточная окраина Польши. Работал Игнаций лесничим и имел большой надел земли. К 1939 году в его семье было пятеро детей, а самое главное — все девочки. Старшая дочь — Вера (Weronika) 1926 года рождения — была кроткой и послушной дочерью. За ней следовали Нина (Janina) 1928 г.р., Лида (Leokadia) 1930 г.р., Лена (Helena) 1932 г.р. и Таня (Teresa) 1935 г.р. Непокойное было время. Игнаций, как бывший военный, прекрасно это понимал. Понимал, но не предполагал, что осенью 1939 года Польшу разделят на две части. Западную часть государства захватит Германия, а восток Польши перейдет к СССР и станет частью Белоруссии. Согласно заявлениям советского руководства, целью операции являлась защита украинского и белорусского населения восточных районов Польского государства в условиях его распада, произошедшего в результате германского вторжения. Беда приходит не одна. В декабре 1939 года политбюро ВКП(б) и Совет народных комиссаров утвердили постановление № 2010—558 о выселении осадников из западных областей БССР и УССР. Так 10 февраля 1940 года постучали и в дом Игнация. «Пятнадцать минут на сборы, вещей не более десяти кг на человека, иметь с собой документы», — набатом пронеслось по Синкевичам. Февраль, в переводе на польский, — лютый. Словно в подтверждение тому лютая стужа выдалась и зимой 1940 года. В феврале около 140 тысяч польских осадников и лесников с семьями были вывезены в спецпоселки НКВД в северных и восточных районах СССР. Вологодская область, куда была депортирована семья Игнация и Софии, граничит с Архангельской — самой северной областью СССР. По воспоминаниям тети Леокადии, в спецпоселке ежедневно проводилась «линейка». Это проверка наличия всех спецпереселенцев, после которой мужчин под конвоем уводили на лесоповал, а женщины и дети возвращались в бараки. Вследствие хронического недоедания, отсутствия теплой одежды и обуви, антисанитарии среди спецпереселенцев имелись случаи эпидемических заболеваний тифом, дизентерией, скарлатиной, чесоткой. В начале советско-германской войны вышел указ ПВС СССР № 19/160 от 12.08.1941 года «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР». В июле 1941 года Правительство СССР приняло решение разрешить формирование на территории СССР национальных комитетов и национальных воинских частей из чехов, словаков, югославов и поляков. В августе 1941 года командующим польской армией был назначен генерал В.Андерс. Вступить в формируемую польскую армию — шанс вырваться из «сибирского ада». Игнаций, как бывший офицер Войска Польского, записывается в армию генерала Андерса. Ориентировочно в ноябре-декабре 1941 года амнистированная семья Гриб, как и многие польские граждане, выезжает эшелонами в Среднюю Азию. Формирование польской армии планировалось провести на территории Узбекской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР. Фактически штаб армии Андерса находился в поселке Вревский Янгиюльского района Ташкентской области Узбекской ССР. Конечно же, Сталин понимал, что армия Андерса не будет сражаться на его стороне. Против Гитлера — будет, а за него — нет. Армия была сформирована, но из-за бесконечного саботажа со стороны советской администрации ее перебросили через Иран, Ирак и Сирию в Палестину, где она перешла под британское командование. И вновь

начались проверки, аресты, допросы. НКВД продолжил свою работу. Волна репрессий опять накрыла беззащитных граждан. Часть польских семей так и не смогла пополнить ряды армии Андерса. Они были разбросаны по отдаленным районам всей Средней Азии. На подъезде к городу Ташкент (возможно, Арысь) Игнаций был вынужден оставить старшую дочь Веру в больнице. Она была в бессознательном состоянии и, вероятно, болела тифом. Его жена София с четырьмя дочерьми оказалась в селе Чаян Байдибекского района Чимкентской области. Председатель колхоза имени Сталина, немолодой казах, поселил их в комнату одного из домов. Через трое-четверо суток свою семью отыскал Игнаций, но здоровье его очень сильно пошатнулось. Через день Игнаций Гриб скончался. Похоронили его местные аксакалы недалеко от большого хлопкового поля. София с малыми детьми осталась одна. Казалось, это — конец света, а впереди голодная смерть. Но вскоре в их комнату стали приходить люди, говорить на непонятном им казахском языке. Каждый приносил что-то из еды: кусочки мяса, лепешки, курт, какие-то сушеные фрукты. Подобные визиты продолжались постоянно. Каждая казахская семья делилась с ними куском хлеба. Дети стали играть вместе. Местную детвору поражали золотистые волосы младшей польской девочки. В селе ее прозвали «Алтыншаш», что означало «златовласая девочка». Лида (Leokadia) очень быстро освоила казахский язык и через три-четыре месяца уже свободно объяснялась на нем. Казахское население села Чаян принимало польскую семью за своих. Ни один той (праздник) не проходил без белокурых веселых девчат. София работала в колхозе и позже приняла решение отдать детей в детский дом. Старшая из девочек Нина (Janina) осталась с матерью. Детский дом находился в городе Туркестан. Это была единственная возможность жить, учиться и питаться. Алтыншаш была маленькой для учебы, но так красиво исполняла казахские народные песни, что ее выступления в детдоме стали постоянными. Лида прославилась как непревзойденный переводчик с казахского языка. У матери разрывалось сердце от разлуки с детьми. София надеялась на скорую встречу с ними. Настал 1946 год. По всем просторам Сибири и Средней Азии прокатилась долгожданная весть о возможности возвращения на историческую Родину депортированных граждан Польши и других государств. Но только родное село Синкевичи давно уже не принадлежало Польше. Формирование вагонов для отправки польских граждан проходило на станции Ташкент. Детей-поляков со всех детских домов готовили к отправке в Польшу. София со старшей дочерью Яниной возвращалась другим транспортом, ничего не зная о младших дочерях. Уже в Польше мать искала детей через Красный Крест. Встреча произошла в городе Квидзын. Не хватало только старшей дочери Вероники. После того, как Игнаций оставил Веру в больнице, сведений о ней не было. Все поиски сводились к нулю. Но сердце матери подсказывало, что дочь жива. После возвращения в Польшу София долго пыталась отыскать старшую дочь по линии Красного Креста. Время неумолимо утекало, как и сама надежда увидеть Веронику. С течением времени стали устраивать свою жизнь и младшие дочери. Некоторые еще учились, кто-то уже работал, создавали свои семьи, родили детей. Несомненно, героиней из них была Нина (Janina), которая родила двух дочерей и восьмерых сыновей. Моя бабушка — София (Grzyb Zofia) — в последние годы своей жизни жила с младшей дочерью Тересой. Умерла в 1982 году и похоронена на кладбище в городе Гдыня. Бабушка София — это маленькая, хрупкая женщина, которая прошла ужас репрессий, не сломалась в Сибири, выжила и сохранила детей в Казахстане, возвратилась на историческую Родину и была центром большой и дружной семьи.

В заключение своего повествования хочу выразить благодарность всем, кто, узнав об этой трагической истории длиной в 75 лет, оказывал помощь для встречи с родными. Сапаров Бекзат, проживающий в Алма-Ате, посетил село Шаян, встретился с 95-летним аксакалом, который помнил о польской семье. Я видел у всех знакомых и друзей желание хоть чем-то оказать содействие. И находясь в Польше, я слышал от своих тетушек слова о бескорыстной помощи всего казахского населения. Это пример того, что, невзирая на различие вероисповедания, национальности и языка общения, могут жить в дружбе разные народы.